Н.В. Шляхтина**Положение стариков
в советском обществе¹***1. Отношение к пожилым и престарелым людям в традиционном (крестьянском) русском обществе (конец XIX — начало XX вв.)*

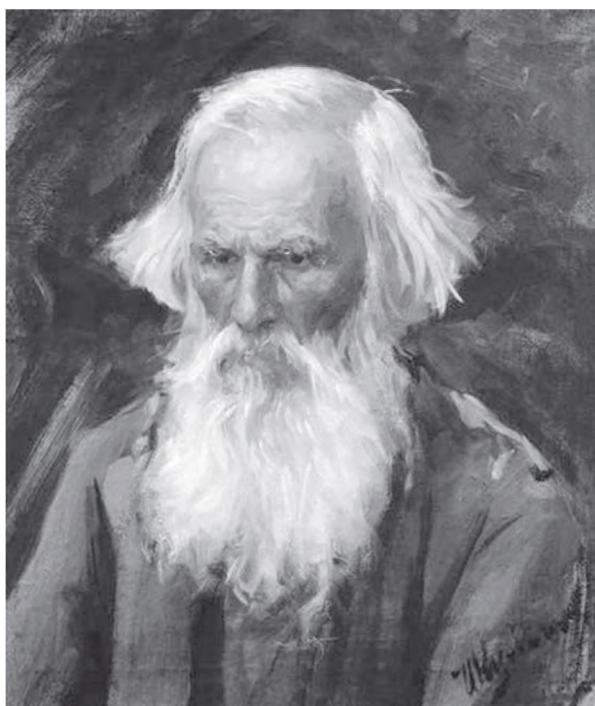
В современной научной литературе, посвященной проблемам геронтологии проблема призрения пожилых и престарелых людей целиком и полностью укладывается в рассмотрение комфортности интернатов и качества обслуживания «стариков» в них, и совсем игнорируется тема социальной активности этой категории населения, их важной структурообразующей для социума роли в дореволюционном обществе, где существовал совершенно другой контекст их жизнедеятельности. Создается видимость, что все проблемы «стариков» начинаются за порогом домов престарелых (в современном обозначении интернатов), а до того — это лишь «отдельные судьбы», конкретные жизненные ситуации, словом — частные истории. Но этнография, рассматривающая отдельные социальные группы в обществе в тесной связи и зависимости от общего организма этноса (народа), не может игнорировать и то общее, что связывает «стариков» в интернатах и стариков, продолжающих жить в обычных условиях. Проблема пожилых и престарелых обязательно должна рассматриваться не как их личная проблема, а как составная часть этнических проблем конкретного этноса, в тот или иной исторический момент жизни страны и народа. В этом ключе настоящая статья представляет собой попытку обозначить не только материальные проблемы пожилых и престарелых, попавших в заведения специального за ними ух-

да, но — обратиться к вопросам традиции, где религиозная мотивация отношения к таковым людям заставляла видеть их на совершенно иной высоте социальной жизни. Прошлый опыт позволяет понять, что понятие о стариках, начиналось не с заведений специального ухода за ними, а с самого живущего деятельной жизнью социума, который не планировал отторжения старости до самых ее последних дней. «Старики в деревне выполняли функции своеобразного общественного надзора... старики были очень внимательны ко всему, что происходило в деревне, формировали общественное мнение. Были очень внимательны к детям... делали по хозяйству много неотложных дел, нянчились с маленькими детьми, трудились поспильно, даже сдав хозяйство сыну... были часто ближе к малым детям-внучатам, чем к своим родным сыновьям и невесткам»². Даже те, кто был уже бессилен и малоподвижен не были брошены: «К ним относились почтительно, спрашивали совета, к которому прислушивались. Зимой они обычно лежали на печке, а летом сидели под окнами на завалянке. Старухи ходили в лес за грибами, за ягодами и пекли хлеб каждый второй день»³. На это же обращает внимание М.М. Громыко: «Термин “старики” в этой связи (как наиболее авторитетные лица общины и общинной сходки. — Н.Ш.) не имел нередко возрастного значения. Он мог означать старших членов дворов — дворохозяев, полноправных (голосующих) членов сходки И все же та часть из них, которая составляла суд стариков, или малую сходку, оказывалась, как правило,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 18-09-00196А

² Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М.: АГРАФ, 2001.. С. 164.

³ Там же. С. 165.

«Старик». И.С. Куликов. 1898.

так и старшей по возрасту. «Мир постановил, и старики приговорили», — расхожая формула сельской жизни прошлого века⁴.

В традиционном обществе, к каковому можно было отнести всю крестьянскую дореволюционную Россию, мы застаем именно такую картину положения «стариков» в обществе. Начнем с того, что старики в крестьянской общинной среде, обладали «наивысшей» правоспособностью, имея в виду то, что народное обычное право дифференцированно подходило к правосубъектной деятельности и среди правоспособных выделяло несколько категорий. Например, «большак» — признанный в конкретной семье и общине хозяин дома. Он — главный распорядитель хозяйственного порядка в доме, но вместе с тем он не наивысшее лицо в семейной иерархии. Большак может быть высшим лицом, если его функции «большака», совпадают с его статусом возрастного главы семьи, своего рода патриарха дома, главы семейного рода. «Старик», как глава рода, мог в силу разных обстоятельств передать функции большака старшему сыну или тому сыну, с которым он «доживал век» в своем доме. Однако же, с передачей руководства хозяй-

ственной деятельностью в руки сына при живом отце, как правило, не передавалась еще одна важная правовая и материальная функция — право на распоряжение движимым и недвижимым имуществом, включая права на доступные операции с землей. Об этом, например, так пишет корреспондент Тенишевского бюро (Новгородская губ. Череповецкий у.): «Если за старостию деда домом управляет его старший сын, то последний не может без согласия деда выделить своего сына, потому что дед, по существующему обычаю, может не дать никакой части имущества своему сыну. Хотя дед поручил управление домом сыну (т.е. сделал его большаком. — Н. Ш.) но это не значит, что он отдал дом в его неотъемлемую собственность»⁵.

Не передавалось большаку-сыну и «уважение к отцу», его последнее слово и авторитет. Например, большаком в Медынском у. Калужской губ. было принято называть старшего сына, но пока отец жив, большак был бесправен, лишь предполагая со временем вступить в это звание в полной мере⁶. Здесь

«Портрет моей матери». И.С. Куликов. 1903.

⁴ Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломникъ, 2000. С. 253.

⁵ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы / Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». СПб., 2009. Новгородская губ. Т. 7. Ч. 3. С. 285.

⁶ Там же. СПб., 2005. Калужская губ. Т. 3. С. 443.

старик — глава семьи имел название «хозяин», а жена его — «хозяйка». Здесь, в Калужской губ. везде большак и хозяин не накладывались друг на друга; когда большак становился хозяином после смерти отца-хозяина, то сам становился хозяином и его функции большака — «наследника престола», становились излишними⁷. Высоки были правовые возможности и жены главы дома, которая в случае малолетства детей при кончине главы дома сама могла стать хозяйкой-распорядительницей. Конечно, за ней закрепляли для помощи и поддержки кого из ее братьев или других родственников-мужчин, но в целом ее хозяйские права были большие.

По крестьянскому праву отец был обязан все семейное имущество разделить поровну, включая и выделение собственной доли. При разделе, который наступал, как правило, с женитьбой сына, отец давал сыну и часть домашнего имущества и положенную ему наделную землю. Отец мог в случае непочтительного отношения сына лишить его части семейного имущества, но не мог лишить наделной земли⁸. Была еще одна льгота, доступная сыновьям при дележе семейного имущества. А раз-

дел, заметим, являлся вполне обыденным явлением и ни в коем случае не означал какой-то немирной акции в семье. Отец, имеющий право на свою долю семейного имущества, имел право распорядиться ей как угодно, отписать любому сыну; но чаще эта часть доставалась тому, с кем старик доживал свой век. Эта отцовская доля называлась «похоронное».

Крестьяне ясно осознавали, что соблюдение порядка, при котором отец является главным распорядителем имущества и главным, непрекращаемым авторитетом в семье, важно и как выполнение заповедей Божьих — почитать родителя, и как основа экономического благоустройства. Об этом не раз утвердительно и подробно говорили корреспонденты князя Тенишева: «Из долголетней жизни между крестьянами и внимательного наблюдения их жизни в последнее время я вынес убеждение, что только на справедливом и разумном принципе единодержавия крестьянская семья может стоять прочно как в нравственном, так и в экономическом отношении. И крестьяне это прекрасно понимают, у них есть даже пословица: “Без хозяина дом сирота”»⁹.

«Чаяпитие в избе». И.С. Куликов. 1902.

⁷ Там же. С. 464.

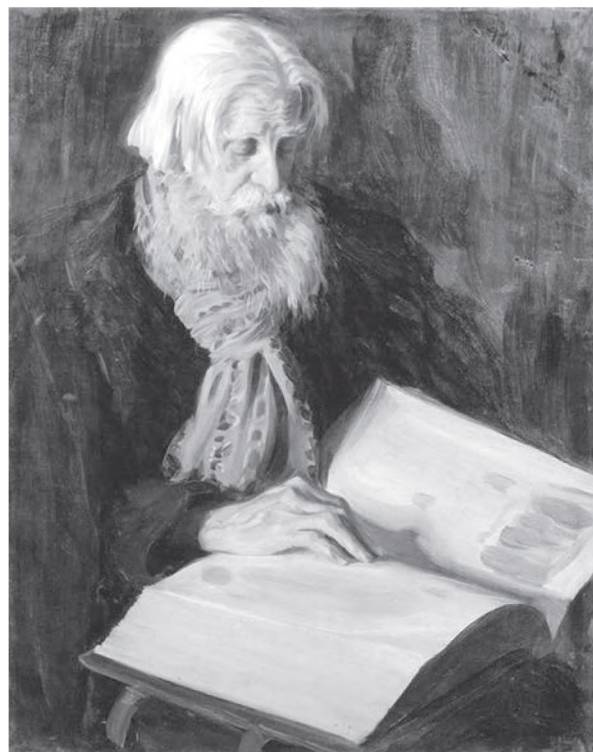
⁸ Там же. С. 67.

⁹ Там же. СПб, 2009. Новгородская губерния. Т. 7. Ч. 3. Череповецкий у. С. 248.

Но самое главное даже не это, другое — «голос» и мнение старика на крестьянской сходке. Здесь его право еще более крепко и еще более было обеспечено мнением общинников. В тех российских регионах (не со столь бурным промышленным развитием), где к началу XX в. еще была крепка патриархальная среда, старики полностью главенствовали на общинной сходке, их мнение было определяющим. Таковую ситуацию мы встречаем на Русском Севере, особенно в Новгородской и Олонецкой губерниях. Здесь сход постоянно обращается к старикам за мнением. Вот как передает Олонецкий корреспондент из Пудожского у. атмосферу одного такого схода 1898 г.: «Тише, старики, сейчас будем читать предписание начальства... вот, старики, на следующее трехлетие нужно выбрать нового старосту... кого в старосты, старики». К ним же взывает и простой общинник, на которого падает стариковский выбор: «Пожалейте, старики, у меня, ведь Ваське-то 14 год. Если вы выберете меня, у меня хозяйство опустеет»¹⁰. Опираясь на это право, община могла выносить свои решения, руководствуясь только «судом стариков». Отзвуки такого положения дел еще сохранялись в отдельных местах российской сельской глубинки в конце XIX в.¹¹

Вместе с тем, новый экономический порядок, который к началу XX в. стал складываться в стране, благодаря бурному промышленному производству, уже сильно затронул деревню особенно в регионах, близких к промышленным центрам. «Фабричные нравы», — как говорили современники¹² о среде, где люди начинали жить уже не по законам традиции, в том числе религиозной, а по законам «гибкой» морали, — стали приходить и в село, вместе с молодежью, которая в большом количестве отправлялась в города на сезонные заработки. Новый нравственный порядок пытались у себя дома устанавливать и богатые сельчане, особенно те, кто добывал свои капиталы ростовщическим и близким к нему путем. Отсюда, где-нибудь в Калужской или Рязанской губерниях, мы встречаемся в этот период с совершенно иными, чем, скажем, в Олонецкой губернии нравами сельчан. Здесь уже на мирских сходках нет определяющего голоса стариков, а главенствуют так называемые «горлопаны» — лица, нанимаемые кулаками, чтобы кричать их волю. И в повседневной жизни

вольные нравы молодежи уже затрагивают и незабываемое, казалось, отношение к старикам. Вот свидетельства из Калужского у. Калужской губ.: «старики и старухи в данной местности не только не пользуются уважением, за весьма редкими исключениями, но прямо-таки подвергаются всевозможным насмешкам и укоризнам и проч. со стороны особенно молодежи. Плохой уход за больными стариками замечается не только в голодное время, когда каждому до себя, но и в обыкновенное время. Держат их в грязи, подчас оставляют без присмо-

«Старик за чтением». И.С. Куликов. 1911.

тра, и в то время, когда больной не может сам дать себе даже напиться... На подобные отношения к старикам и старухам народ смотрит весьма равнодушно, как на дело обыкновенного порядка, не порицая виновной стороны. С таким человеком хотят поскорее развязаться, чтобы он не служил помехой и не отрывал рабочие руки от дела»¹³. Однако, ряд исследователей призывают осторожнее давать оценку пореформенной деревне и не связывать непосредственный рост достатка в ней с падением нравов и

¹⁰ Там же. С. 204.

¹¹ Там же. СПб., 2008. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. Т. 6. С. С. 440.

¹² Здесь можно сослаться как на известные «12 писем из деревни» А.Н. Энгельгардта, так и донесения епархиальных архиереев в Синод, где нередко, высказываясь о падении нравов среди молодежи, владыки связывают это с возросшим отходничеством и работу сельской молодежи на фабриках.

¹³ Там же. СПб., 2005. Калужская губ. Т. 3. С. 289.

с преобладанием роли «горлопанов» на сходке над стариками. М.М. Громыко опирается мнение такого авторитета как Н.Н. Златовратский. Ситуация в разных местах разная; где-то берут верх горлопаны, а где-то — зажиточные крестьяне, но в целом крестьянская сходка, благодаря «сосуществованию» частных и общественных интересов на ре-

славные вера и нравственность господствовали и определяли поведение человека); там же, где устои начали размываться и обычаи не соблюдаться (а именно это происходило, когда тяга к обогащению в пореформенной деревне, в малой или большой степени захватило большую часть крестьянства), там и положение стариков стало меняться.

«Старинный обряд благословения невесты в г. Муроме». И.С. Куликов. 1909.

лигиозно-нравственной основе» успешно решала самые сложные жизненные вопросы¹⁴.

Конечно, надо понимать, что не само по себе богатство и богатые, как таковые являлись причиной распространения новых нравов, и среди богатых были разные люди — верующие и маловеры, добрые и злые, как и среди бедных, картина была также пестрой¹⁵. Вышеупомянутая автор, исследовавшая эту проблему, отмечает, что народный взгляд на богатство сводился к мысли «важно не то, богат ты или беден, а благочестив ли»¹⁶. Но такой канонический порядок легче было сохранять в непоругенном традиционном обществе (где право-

2. Благодаря указанной традиционной системе, обеспечивающей старикам правовое (в рамках обычного права) и имущественное главенство в семье и в определенной степени в обществе, по-своему складывалась и система признания стариков. Во-первых, она не нуждалась в изъятии их из привычной среды для ухода за ними в специальных заведениях, типа богаделен; во-вторых, она была рассчитана в максимальной степени на сохранение до конца жизни полезного экономического статуса этих людей в роли «большаков» или просто авторитетных лиц, руководящих своими семьями и своим хо-

¹⁴ Громыко М.М., Буганов А.В. Указ соч. С. 271—272.

¹⁵ Громыко М.М. Религиозно-нравственный подход к проблемам социального неравенства в русской православной традиции // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2015. № 16. С.11.

¹⁶ Там же. С. 11.

зяйством. И хотя, в последнем случае, не всегда это получалось, и старикам, порой приходилось складывать свои функции большака и передавать их старшему сыну, но правило было все же одним: пока старик в силе, пока он способен эффективно руководить семейным хозяйством, никто не мог снять с него полномочий, в связи с достижением 60-ти лет¹⁷. В связи с этим, судьбы престарелых, немощных стариков, снявших с себя бремя руководства семейным хозяйством, и заслуживают внимательного рассмотрения в рамках нашей темы. Как крестьянский, традиционный мир устраивал внутри себя эту категорию сельчан?

Судьба престарелых и немощных стариков целиком зависела от того накопленного духовного и нравственного авторитета, который складывался в течение их активной жизни. Если старик или старуха (бывшая большуха) заслужили этот авторитет, то их судьба складывалась, как в традиционном обществе, когда существовали еще большие семьи; когда большак руководил под одной крышей несколькими семьями женатых и невыделившихся сыновей. Это было уважение и почитание до самой кончины старика, независимо от степени его физической активности. Но поскольку в конце XIX—начале XX в. большие семьи среди крестьян уже почти не сохранились, то изменился в целом и порядок отношения к старикам. Те старики, которые по каким-то личным причинам не заслужили высокого авторитета и уважения в своей семье и обществе, попадали в ситуацию, при которой они могли рассчитывать лишь на свой личный имущественный капитал или же обращение к обществу с просьбой обеспечить им мало-мальски приемлемую старость.

Исходя из этого, существовало несколько стратегических направлений для судеб стариков; 1) классическое, когда престарелый до конца своей жизни пользовался авторитетом и уважением, не прибегая к дополнительным усилиям материального или правового характера; 2) новое, когда престарелым приходилось прибегать к материальным или правовым рычагам воздействия на своих детей для того, чтобы их «доходили» и «упокоили»; 3) также новое, но более радикальное, когда старики вынуждены были искать возможности дожить где-то на стороне, за ту плату, которую они давали из доли своего имущества. Сюда же можно отнести судьбы тех, кто попадал в те редкие дома престарелых на селе, которые организовывались общиной и которые не облагались налогом, потому что

община на себя брала выплату за них государству. К этой категории относились и лица, принимаемые в приходские или монастырские богадельни. Последние особенно стали активно открываться в женских общежительных монастырях, но лишь для лиц женского пола. Как видим, крестьянская община и крестьянская семья к началу XX в. только чуть приоткрыли дверь своего социума новым веяниям, отрывающим стариков от их очагов и бросающих их на формальное попечение.

Конечно, крепость традиционной среды, не смотря на распад большой семьи, была еще значительной. Поэтому, даже выпавшие из своего гнезда старики не оказывались в совсем уж чужой обстановке. Вот, например, свидетельство Новгородского корреспондента, сохранившееся в архиве бюро князя В.Н. Тенишева: «Некоторые крестьяне берут на прокорм старых дальних родственников, даже совсем чужих стариков и старух безродных, с условием получить принадлежащие им недвижимое имущество (землю, по большей части) по их смерти. Взятые на прокорм входят в состав семьи и во всем пользуются одинаковыми правами с другими членами семьи. Случаи эти редки, но все-таки встречаются»¹⁸. Что касается до бесплатных домов престарелых в селах, то сведений о них не так много. Известно, что крестьяне в отдельных случаях выделяли «бесплатные участки для стариков, вдов и сирот»¹⁹, что было совсем не новой традицией, а скорее древним обычаем, о чем говорилось еще в Стоглаве.

Перемены в окружающей жизни, коснувшиеся и «внутриобщинной демократии», приводили к тому, что само положение большака в семье приобрело не столь незыблемый характер, как прежде; его можно было сместить, по серьезным причинам, как то: неспособность к управлению общим семейным имуществом, неумелое ведение хозяйства, пьянство и расточительность. Опять же речь идет не о том, что «нашли причины для смещения», а о том, что появились поводы для этого. Старики стали вести себя по-другому, а вслед им и молодые. Даже само соединение в одно целое большака и хозяина, которое, обрушительно быстро произошло в конце XIX в., показательно тем, насколько резко шел естественный процесс наступления на традиционализм в народной среде. Этот процесс двигала промышленная цивилизация, движущаяся по стране с невероятной скоростью. Сегодня, даже специалистам-этнографам, занимающимся рус-

¹⁷ Так, по-народному, определялось время начала старости.

¹⁸ Русские крестьяне. Указ соч. СПб., 2009. Т. 7. Ч. 3. Новгородская губ. Череповецкий у. С. 249.

¹⁹ Там же. СПб., 2008. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. Т. 6. С. 408.

ской традицией, не заметна эта разница, не виден образ «старика», как правого гаранта всей семейной и народно-крестьянской социальной иерархии. Если отвлечься от должности (старосты, десятского и т.д.), то в социальной иерархии крестьянского мира верховушку сегодня принято видеть в большаке²⁰, хотя это был чисто хозяйственный, хотя и обеспеченный обычно правовым статусом субъект. Запутаться в этом вопросе было немудрено, потому в отдельных регионах к концу XIX в. уже действительно поменялся вектор властедержания, и мы видим, что старики, которые по немощи передавали старшим сыновьям должность большака, действительно переставали быть главою семьи во всех смыслах²¹. Во время как у «хозяина» — старика (деда, «самого») в основе его власти лежал не только хозяйственный фактор, но и авторитет «отца», родового главы дома (т.е. традиции, предков), словом — духовный и нравственный авторитет. Так было правильно по евангельской, христианской традиции, потому что здесь земное обязательно должно было иметь зеркальное отражение в небесном. Не только как нравственный пример, а более даже как реальная связь, как гарант незыблемости устоев и источник силы и власти.

Для многих стариков внутри этого уже не столь стабильного традиционного мира вопрос о материальном обеспечении своей старости становился уже принципиальным. Стариковская доля при отделении взрослых сыновей становилась важной гарантией обеспечения их старости. Долг детей «кормить и покоем в старости» обязательно подкреплялся материальным вкладом «старика». Но уже эффективно действовал волостной, крестьянский суд, который нередко разбирал жалобы тех престарелых, которые были недовольны своими детьми. Суд определял тот необходимый минимум, который дети были обязаны давать своим немощным старикам в этом случае. «Размер содержания, которое во всех этих случаях волостной суд обязывает давать родителям, определяется обычно по степени состоятельности детей, получаемым доходам, жалованию и т.п., и колеблется в большинстве случаев между 3—6 руб. в месяц»²². Здесь были возможны разные варианты материальной заботы сыновей об отце; в каких-то случаях сыновья договаривались о попеременном жительстве отца у них, в других — выделяли старшему сыну, у которого отец обычно

доживал век, какую-то долю продуктов; бывали случаи, когда отцу строилась в усадьбе старшего сына отдельная небольшая избушка — «келья», где тот мог жить в спокойствии. Такие избушки для престарелого родителя (отца или матери) встречались нам в 1990-е годы в полевых экспедициях в Воронежскую и Тамбовскую области. Конечно, попеременное кормление было уже вопиющим явлением, осуждалось обществом и существовало в «неблагополучных регионах», сильно затронутых новыми веяниями и новыми нравами²³.

В период правления царя Николая II, когда вследствие быстрого промышленного развития появились очевидные следы негативного влияния его на социальную сферу, стали предприниматься общегосударственные меры для нейтрализации этого. Эта тенденция обозначилась уже вскоре после 1861 г., но именно в 1890-е годы масштабы влияния промышленной революции стали особенно ощутимо сказываться на жизни неблагополучных слоев населения. Понадобилось централизовать сферу призрения, что совсем не означало ее огосударствления, но лишь было введением государственной регламентации ее. Процесс этот начался с 1898 г., после издания закона о призрении в России, где дело заботы о неблагополучных категориях населения объявлялось заботой того или иного сословия. Каждое сословие должно было за счет внутренних средств найти возможность обязательным образом и системно устраивать богадельни и больницы для нуждающихся. Подобная мера не отменяла существовавшую до этого практику строительства подобных заведений главным образом за счет частных благотворителей и Церкви, но и при участии государства. Закон 1898 г. обязывал большей частью сельские общества, где богаделен было мало, начать их устраивать повсеместно. Расходы на их строительство и содержание должны были лечь на плечи самого сельского общества. Реализация закона проходила медленно, было немало возражений и отказов, по причине отсутствия средств, поэтому к 1917 г. эта программа была выполнена лишь частично, но насколько эффективно, нет никаких сведений²⁴. В крестьянской среде для престарелых, лишившихся семейной опеки, господствующими общественными формами помощи продолжали оставаться подача милостыни (поскольку эти люди нищен-

²⁰ Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 169—176; Власова И.В. Русский Север. Этническая история и народная культура. XII—XX века. М.: Наука, 2001. С. 460.

²¹ Русские крестьяне. Указ. Соч. СПб., 2006. Нижегородская губ. Т. 4. С. 130.

²² Там же. СПб., 2006. Нижегородская губ. Т. 4. С. 116.

²³ Там же. СПб., 2005. Калужская губ. Т. 3. С. 55.

²⁴ Самсонов А.К. Обеспечение престарелых крестьян и инвалидов. М.: Государственное издательство, 1928. С. 6—7.

ствовали); или коллективная забота о таком человеке (понедельный переход из дома в дом).

Подведем итоги рассмотрению положения престарелых людей в традиционном обществе, чтобы выяснить, с какими итогами подошла страна к революции 1917 г. Конечно, налицо активное разрушение традиции и традиционных устоев, вызванное бурными экономическими процессами, затронувшими и русскую деревню, особенно в той ее части, которая была близка к промышленным центрам. В деревне обозначились две тенденции отношения к старикам: 1) традиционная, где в основу было положено евангельское духовно-нравственное отношение; откуда вытекало и естественное родовое главенство «хозяина» дома, за которым стояло не только экономическая составляющая (быть большаком), но и духовная — быть главным авторитетом в семье и общине; 2) новая, условно говоря модернистская, складывающаяся на основе главенства экономического фактора над духовным; в этом случае объяснимо и появление большака в новой роли, как абсолютного главы в семье, и появление и быстрое распространение экономических форм мягкого принуждения детей к заботе о престарелых родителях (нередко включая участие волостного суда). В целом же крестьянство продолжало, как и раньше, внутри своего сообщества решать проблему опеки престарелых. Более того, следует признать, что модернистская тенденция не обязательно должна была (в силу объективных обстоятельств) победить традиционную. В рамках существующего государственного устройства за традиционной формой отношения к престарелым сохранялась возможность и потребность существования. Эта возможность и потребность обеспечивалась наличием значительной, даже преобладающей массы верующих среди русского сельского населения и была, по большому счету, не каким-то частным, семейным делом, а делом общерусским, национальным, позволяющим осуществлять воспроизводство традиции в таких важнейших областях жизнедеятельности как воспитание, образование и передача трудового опыта. К традиционным нормам заботы о престарелых, лишенных семейной опеки следует отнести отношение к ним, как к нищим. И тогда или подавание, если человек мог его собирать, или понедельная забота о нем всех домохозяев селения.

3. Отношение к престарелым людям в советское время

С советского времени начинается новая эпоха, кардинально изменившая положение стариков в обществе. Закон о равенстве полов имел целью дать женщине полное равенство с мужчиной, статус которого она (как писали советские пропаган-

«Продавец павловских товаров (собенщик)».
И.С. Куликов. 1936

дисты) за всю историю человечества не имела, и к которому она, заметим мы, в силу своей, отличной от мужской природы, и не стремилась. Но и здесь большевики оказались во многом первопроходцами, решавшими даже не столько эту фундаментальную задачу — выравнять чашу природных весов, — сколько прагматичную задачу вовлеченности женщины в производство и в т.н. социалистическое строительство. К тому же, разрушая семейную иерархию, большевики тем самым рушили и саму семью, как традиционную ячейку. Не случайно, в 1920-е годы достаточно остро стоял вопрос о возможности отказаться не только от церковного брака, но и от семьи, как таковой. Тот же прагматизм заставил советскую власть во второй половине 1920-х годов взять курс на возвращение внимания к семье и граждански оформленному браку. Но в первой половине 1920-х вместе с уравнильным переделом семьи, произошел и важнейший, переломный акт разрушения «до основания» традиционной семейной иерархии, где старики стояли во главе. Эта иерархия была зеркальным отражением не только небесной иерар-

хии, но и находила отображение в монархической власти, где власть царя рассматривалась крестьянами как власть отца народа. Вот почему, большевики вполне сознательно рушат старую семью как ячейку традиционности, как основу для монархических взглядов, как зерно церковности. Чуткий ко всему новому и старому А.М. Горький — «буревестник революции» — не раз высказывался и по поводу стариков. К.И. Чуковский в дневнике за февраль 1919 г. отмечает: «Я читал доклад о «Старике» Горького и зря пустился в философию. Доклад глуповатый. Горький сказал: "Не люблю я русских старичков". Мережковский — "То есть, каких старичков?" Да всяких, вот эдаких (и он великолепно состроил карикатурную рожу)...»²⁵. Далее Чуковский еще раз фиксирует эту важную ремарку Горького: «Я старичков ненавижу, персонаж пьесы "Старик" подобен тому дрянному Луке (из пьесы "На дне") и другому и Матвею Кожемякину, которому... ни до чего нет дела...»²⁶.

Довоенный советский период можно разделить на два эта: с 1917 по 1930 г. и с 1930 по 1941 г., время до коллективизации и после нее. Коллективизация для русской деревни стала второй Октябрьской революцией, коренным образом изменившей деревню. Если первая революция утвердила новую власть — власть партии большевиков, то вторая разрушила власть старой русской народной православной традиции и взамен ее стала утверждать повсеместно власть советской традиции — партийной, атеистической, антирусской. По содержанию же весь довоенный период был посвящен большевиками одному — ликвидации пространства активной, традиционной жизнедеятельности старшего поколения в сельском сообществе. Поэтому время до коллективизации и после — лишь этапы одного процесса. В этом смысле видеть в лице Сталина принципиально отличного от Ленина человека не имеет смысла. Конечно, время до коллективизации, как признают все исследователи русской традиционной культуры советского периода, мало что поменяло в деревне; не смотря на отмену церковного брака, венчания продолжались; хотя разрешенными советской властью разводами и воспользовалась часть сельского населения, но сложно говорить насколько значительная. Сохранялся обширный,

сложный комплекс народных брачных обычаев и ритуалов. Но, как отмечает исследовательница, они были пронизаны уже «переплетением нового и старого», «сочетанием традиций и новшеств»²⁷. В Вологодском крае «еще стойко держалось представление о главенстве старшего в доме — отца, о его помощнице и советнице — матери... Не совсем забыли и послушание старшим младших. В десятилетие от революции до коллективизации, когда земля давалась на едоков (а не на рабочие руки), когда крестьяне должны были по декрету о земле стать хозяевами своей земли, большинство из них мечтало, несмотря на продразверстки и продналоги донэповского периода и времени нэпа, о заведении крепких хозяйств»²⁸. Тот же автор отмечает, что в это время даже укрепляется архаичная форма жизни большими семьями, включая и родственников. Однако, как это заметно и по другим источникам, в этой архаичности налицо более проступает экономический интерес, желание жить богаче, зажиточнее, нежели налаживать правильные с точки зрения традиционной деревни, социальные устои внутри семьи. Вот почему, при всей очевидной тяге к архаичности, на селе быстрыми темпами идут процессы разрушения традиции. Дети жестче и прагматичнее начинают относиться к старикам: «Об изменении нравов свидетельствуют факты, когда отделившиеся от родительской семьи дети отказывали затем в приюте старикам. По анкетным данным ВОЙСК 1927—28 гг., — пишет И.В. Власова, — молодежь становилась непочтительной к старшим, а зачастую ее взгляды шли "вразрез с родителями". Отцы уже не были "деспотами" семьи, как раньше, а функции главы ограничивались размерами малой семьи... Неприязнь старших и молодых сохранялась в вопросах религии. Политика большевиком, крушение устоев православия "сеяли" эту рознь»²⁹. Выводы, которые приводит этот автор, опираясь на данные обследования русских деревень в 1919—1925 гг. Этнографическим отделом Русского музея также указывают на сильно изменившийся семейный и общественный быт крестьян: «Разводы, гражданские браки, "легкое отношение к замужней жизни", сожителство без венчания, самостоятельность молодежи, поколебленный авторитет старших и отсутствие новых устоев»³⁰.

²⁵ Чуковский К.И. Дневник. 1901—1929. М., 1991. С. 101.

²⁶ Там же С. 108.

²⁷ Власова И.В. Брак и семья в 1917—1990-е годы // Русский Север... Указ соч. С. С. 460.

²⁸ Там же.

²⁹ Власова И.В. Указ соч. С. 461.

³⁰ Там же. С. 462.

«Павловский кустарь». И.С. Куликов. 1937.

Конечно, с подобным негативом, хотя и в меньших масштабах, русская деревня соприкоснулась уже в начале XX в., но тогда государство и Церковь в большей или меньшей степени поддерживали ту часть общества, которая опиралась на традицию и чтит традицию, где «старики» были самой авторитетной частью сельского общества. Советская же власть сразу взяла курс на борьбу с традицией во всех ее формах — религиозных, этнических, социальных и культурных. И в ее представлении «старики» в их традиционном понимании, как и сословия, оказывались не просто ненужными, но с ними следовало бороться, их следовало искоренять. Старики не были в прямом смысле идеологическими врагами «народной» власти, но они входили в категорию «неработающих» (кто не работает, тот не ест) и в то же время, они являлись своего рода оплотом старой традиции, одним из важных гарантов ее существования. Таким же гарантом, как неработающая, но посвящающая себя семье и детям женщина; как независимые от опеки государства дети; как социальная иерархия полов, возрастов, родственных отношений и т.д. Самое главное для власти в вопросе о «стариках» было убрать из активной жизни эту опорную категорию социума. Поэтому, скажем, когда мы читаем советские и постсоветские научные ра-

боты о пожилых или престарелых людях советского времени, мы вообще не встречаем этой деятельной активной категории «стариков». Перед нами проходят лишь безымянные пенсионеры с их пассивной динамикой роста пенсии, обитатели домов престарелых, домов инвалидов, разного рода «убежищ». Это обстоятельство и вызывает, пожалуй, наибольшее удивление; насколько советская власть хорошо могла прятать концы своих преступлений, умело работала над созданием иллюзий; и с другой стороны — так могла сосредоточить внимание общества на важных и интересных ей явлениях, — что даже ученые, занимающиеся данной проблематикой до сих пор не замечают существенных и даже определяющих черт данной темы.

Уничтожив все органы власти прежней России, советская власть добралась и до тех органов власти, которые могли бы считаться народными, т.е. до местного самоуправления, построенного на выборах из местной среды должностях старосты, десяцкого, сотского и др. С ними же росчерком пера была уничтожена и общинная власть, построенная на мирских сходках. Заменившие ее разного рода собрания лишь в отдаленной степени напоминали прежнюю народную демократию. Была уничтожена и власть заслуженного годами и жизненным опытом «стариковского» авторитета. Вот, что пишет о «стариках» в их традиционном понимании этнограф В.А. Бердинских, используя многолетний полевой материал, собиравшийся в Кировской (Вятской) области, судя по всему, в 1980-е — 1990-е годы. Основной состав опрошенных им сельчан — дореволюционных лет рождения. «Коренным образом изменилось к 40-м годам и отношение к старикам. Старики и старухи, полные хозяева в своем доме, хранители традиций, вершители дел на деревенском сходе, совершенно исчезли в 30-е годы. Они не вписывались в новую систему хозяйствования, нравственных ценностей, обучения молодежи. Между тем регламентация дел в доколхозной (дореформенной) деревне была мельчайшая, порядок при выполнении их соблюдался строжайший... Уважительное отношение культивировалось не только к своим старикам (старшим в своей семье), но и вообще ко всем старым людям». «Стариков раньше почитали, все их спрашивали. Пойдут во двор: «Тя-тенька какое сено бросать?», «маменька, заварку корове делать, которую муку брать?» А теперь разве спросят чего у старухи? Сойдутся, и на квартиру уходят, а если свекровь или отец пришли попроведать, дак они говорят: «Леший принес»...»³¹.

³¹ Бердинских В.А. Указ раб. С. 163.

В Воронежской послевоенной деревне одинокий престарелый мужчина — еще повод для общесельского внимания и сочувствия его чаяниям. «Жену он похоронил. Был у него один-единственный сын, который прошел всю Вторую мировую войну и остался жив. Но его не сразу отпустили домой, его почему-то задержали в армии. Этот старик очень переживал и ждал своего сыночка. Вместе с ним ожидали этого события и все наши односельчане, сострадая одинокому старику. Наконец сын этого старика приехал, но он был очень болен. Я и сейчас помню его бледное лицо. Говорили, что в войну он заработал чахотку, и что ему осталось недолго жить. При этой мысли у меня, выросшей в многодетной семье, сжималось сердце: было очень жаль одинокого старика и его безнадежно больного сына, учителя биологии... Однажды утром все село узнало, что ночью приезжал “черный ворон” и забрал единственного, тяжелобольного сына этого старика. Ему вменялись какие-то слова, якобы высказанные против советской власти. Односельчане не знали, как помочь отцу-старiku и его сыну. Затем все село узнало, что сын какими-то путями смог однажды прислать письмо своему отцу. Он сообщал, что его содержат где-то очень далеко..., что ему там очень плохо, здоровья совсем уже нет, а о лечении он не может даже и мечтать, но самое главное — никто не хочет слушать о том, что он ни в чем не виноват. Больше старик о сыне ничего не знал... Мне по-детски хотелось чем-то помочь этому старику, хоть чем-то его поддержать. Я побежала в наш сад, нарвала в ладошки спелых вишен и принесла этому старику. Старик снял с головы картуз, положил его на землю, вниз внутренней стороной, придавил верхнюю сторону рукой, так, что появилось углубление, и сказал: “Положи сюда, когда я полью, вымою руки и съем их”. Помню, как я шла обратно в свой сад и плакала от жалости к этому старику, но по-детски думала, что когда он поест моих вишен, ему будет намного легче»³².

Автор мемуаров считала важным вспомнить казалось бы рядовой, ничем не примечательный (ни героикой, ни ярким событием) этот эпизод своей детской жизни. И судя по контексту книги воспоминаний, именно простые люди, но укорененные в традиции люди, продолжавшие жить вопреки всем жизненным перипетиям, и воспитывали тогда юную сельчанку; ее пожилой уже отец, жалеющий проходящих нищих и старавшийся доставить радость одному сельскому мальчику, тем, что мастерит и дарит ему любимую игрушку. Эти мелочи

замечали именно старики и через эти мелочи многие сохраняли в душе добро, любовь и милосердие. Автор мемуаров видит значение этих сельских стариков даже в самом их присутствии в мире; поскольку даже их бедность, нищета и оставленность людьми, переживалась ими с достоинством.

На уровне семейном, закон о равенстве полов, мужчин и женщин, советский закон уничтожил авторитет старшего в семье мужчины и тем самым на корню подрубил другой корень, на котором держалась в деревне власть стариков. Таким образом, если до коллективизации традиционная власть старшего поколения по привычке еще сохранялась, то это было именно вопреки новым законам и новой традиции. В эти годы, до начала коллективизации, старики, в условиях господства единоличного хозяйства еще могли рассчитывать на свою роль знатоков и специалистов в сельскохозяйственной жизни, т.е. быть еще максимально полезными в сельских трудах молодому поколению. Но как только началась коллективизация и обобществление собственности, а далее — проведение сельхозработ коллективно в новом ритме, то вместо «стариков» появились бригадиры, агрономы и другие узкого профиля функционеры, которые работали уже с большой массой людей и которые не нуждались в чьих-либо советах и опеке. Да и задачи, ставившиеся перед таким хозяйством, были бы непонятны «старикам», привыкшим мерять хозяйственную жизнь не приказами извне (из города, из столицы), а собственным опытом и мнением всего сельского сообщества. Вот почему пространство жизнедеятельности «стариков», желающих жить и трудиться в полную силу, было постепенно перекрыто и «старики» были предоставлены сами себе, и в целом — вытеснены на обочину жизни. Им было предоставлено право мирно дожить в своих домах, если они не попадали под категорию раскулаченных, а если попадали, то вместе с молодым поколением — детьми и внуками, их ожидала высылка куда-то в отдаленный, безлюдный край. Только тех, кто не мог передвигаться сам, советская власть, проводящая высылку неугодных крестьян, отправляла в «убежища», так назывались в 1920-е — 1930-е годы дома инвалидов.

Вытеснение «стариков» из общественного внимания стало важной идеологической задачей партии в 1920-е — 1930-е годы. Старики олицетворяли прошлое, определенный иерархический порядок в социуме, наконец, они встали на пути советского коллективизма — того главного механизма преобразования общества, который

³² Олейникова Т.С. Путь православной женщины. От первых пятилеток до наших дней. М.: Благо, 2004. С. 37—38.

позволял большевикам уже не заботиться об отдельном человеке, а манипулировать «массами». Уже в 1920-е годы «из официально оформленных на законодательном уровне классификации исчезают старики; ни в одном государственном документе о них не упоминается, только иногда в каких-то рабочих документах говорится об «инвалидах-стариках», но куда чаще встречаются «беспризорные инвалиды». Происходит сращивание двух категорий (пожилых и инвалидов). Слова «старый» «престарелый» исчезают, а обозначение «инвалид» объединяет всех, кто не может трудиться»³³. Но, к слову сказать, до масштабной коллективизации о престарелых еще упоминают те или иные авторы³⁴, пишущие на эту тему или специалисты³⁵, а вот позже, действительно, на эти понятия накладывается табу. И только к 1939 г., как свидетельствует популярнейшая песня В. Лебедева-Кумача «Широка страна моя родная» (где звучали слова «молодым везде у нас дорога, старикам — везде у нас почет») выросло, очевидно, первое поколение своих — советских — стариков, не претендующих на многое в социальной иерархии.

По сути, на плечах «старинных стариков», на которых и держалась традиционная деревня, большевики и осуществляли коллективизацию. Не в том смысле, что эти старики помогали ее осуществлять, а в противоположном; отринув их, встав на их место, использовав все их достижения — и материальные и духовные — большевики и сумели провести насильственную коллективизацию. Началом ее было внедрение в деревню государственной системы *обществ крестьянской взаимопомощи*. Досоветская деревня прекрасно знала, что такое мирская взаимопомощь; этот механизм был отлажен, работал эффективно и надежно многие столетия. Поэтому и здесь большевики взяли за основу уже существовавшую модель, но до неузнаваемости ее изменили. Во-первых, она стала классовой, только для бедных; во-вторых, на первом этапе (до конца 1920-х, пока у середняков и

зажиточных повсеместно не отобрали всё подчистую), обществам пришлось быть дотационными за счет государственной помощи. Но кроме того государство разрешило «использовать самообложения крестьян налогом как источником формирования фондов социальной помощи»³⁶. Декрет о создании обществ крестьянской взаимопомощи был принят 14 мая 1921 г. и вскоре число их стало быстро расти; в 1922 г. их было в стране 16 540, а в 1927 г. 76 000³⁷. Общества имели денежные фонды, земли, семена, льготные ссуды от государства, немалый фонд техники и, по сути, являлись новой формой коллективного хозяйства, предвестниками колхозов. Именно за счет денежных фондов этих обществ правительством было предложено централизованно решать проблему призрения немущих в сельской местности. Деньги готово было выделить государство, а общества должны были лишь эффективно и целенаправленно реализовывать эти средства «для стариков из семей малоимущих». После переписи 1926 г. оказалось, что даже малоимущих стариков государство сразу не готово обеспечить необходимым минимумом. Всех стариков (люди старше 60 лет) насчитывалось в стране около 8% от общего числа населения, что составляло 9 млн 611 тыс. человек. Малоимущих же, которых государство готово было поддержать числилось 1 млн 609 тыс. человек³⁸. Таким образом, «остальные» — 8 млн. стариков — относились к той категории, которые обеспечивались внутри семьи и которые держались за счет собственного хозяйства. В 1926 г. после переписи, предполагалось поэтапно, в течение 5 лет обеспечить малоимущих стариков возможностями пребывания в инвалидном доме или «убежище», как назывались тогда дома престарелых. Сначала предполагалось поместить туда людей старше 70 лет (в первый год), потом старше 68 и т.д. Это была теория, на практике выяснилось же, что классовый состав даже этой малоимущей категории населения очень разнороден; большинство малоимущих стариков составляют не привлекательные для

³³ Ковалев А.С. Инвалидный дом как институт социальной помощи пожилым людям и инвалидам в 20—30 гг. XX в. (на материалах Сибири). Красноярск, 2013. С. 44.

³⁴ Самсонов А.К. Указ соч. М.; Л., 1928.

³⁵ Объяснительная записка народного комиссара социального обеспечения РСФСР к проекту постановления «О государственном обеспечении маломощных крестьян престарелого возраста / Материалы к V съезду Советов Союза ССР. Б.Г. Б. м. (предположительно М., 1928); Самсонов А.К. Обеспечение престарелых крестьян и инвалидов. М.; Л., 1928; Пионтовский С.А. Хрестоматия по истории Октябрьской революции. М., 1923; Объяснительная записка (социального Обеспечения РСФСР к проекту постановления «О государственном обеспечении маломощных крестьян престарелого возраста (Материалы к V съезду Советов Союза ССР). М., 1928.

³⁶ Холостова Е.И., Малофеев И.В. Система социального обслуживания населения: исторический экскурс и современный взгляд. М., 2017. С. 18.

³⁷ Самсонов Указ. соч. С. 11.

³⁸ Там же. С.14.

советской власти инвалиды Гражданской войны, родители участников революции и Гражданской войны и инвалиды труда, а т.н. «беспризорные инвалиды», среди которых большинство было престарелых женщин³⁹. Также под льготную категорию «своих» не подходили инвалиды детства, поскольку они нигде и никогда ни трудом, ни военным участием не доказали своей приверженности советской власти. А таковых было среди инвалидов 64,7%⁴⁰. Вот, почему, как отмечает сибирский исследователь А.С. Ковалев, с самого начала создания советской системы социального обеспечения начинается процесс вытеснения из убежищ категории «беспризорных инвалидов» — самой многочисленной — чтобы за счет этого улучшить положение инвалидов войны⁴¹. Но улучшения не происходило, поскольку вместе с уменьшением числа инвалидов, уменьшались и общие дотации.

Коллективизация и раскулачивание затронули в конце 1920-х годов и самую массовую категорию стариков — те самые 8 млн. (!), которые жили в семьях и пользовались опекой своих детей. В начале 1930-х годов, как отмечает А.С. Ковалев, в инвалидных домах появились старики из раскулаченных семей, они «были причислены к “беспризорному и деклассированному элементу”»⁴². Большая же часть их была выслана вместе с семьями на Север и в Сибирь и погибла там в тяжелых условиях полной брошенности в местностях, не имеющих ни жилья и ни пригодной инфраструктуры. Вот тогда и было негласно запрещено говорить в литературе и прессе о стариках, как особой категории населения. Старики как руководители семей были фактически истреблены, остались лишь инвалиды и «деклассированные элементы». Отсюда и такой парадоксальный вывод историка этого вопроса в отношении даже призреваемых стариков: позиция власти состояла «не в заботе о стариках и инвалидах, а лишь в том, чтобы искоренить в социалистическом государстве “оставшиеся от царского режима” социальные проблемы, “упрятав” стариков инвалидов, как носителей “нищенства и беспризорности” в закрытые учреждения»⁴³. То

есть старики-инвалиды ей не были нужны (в общественном сознании), потому что портили социалистическую картинку «оптимизма и молодости», «отсутствия свидетелей близкой смерти»; а старики-патриархи, возглавляющие семьи, не нужны по сути своей, «как индивидуалисты, не коллективисты, монархисты, люди старого режима. Так старики, в целом, как целая возрастная категория оказалась в опале, и судьба их была трагична.

При этом, наблюдалась странная картина: со стариками боролись, но число их выросло пропорционально общему числу населения, когда борьба со стариками была успешно завершена, т.е. в послевоенный период. Общество постепенно начало стареть «естественным образом», когда из него стали «выкорчевывать» стариков. Если обратиться к демографическим данным в 1920-е — 1930-е годы, то можно увидеть, что с возрастной категорией «пожилые» и «престарелые» в 1920-е годы поначалу не происходило никаких изменений; как было в 1897 г. таковых 8% пожилых, старше 60-ти лет, в обществе, так и в 1920 г. их числилось столько же⁴⁴; но уже к 1926 г. к пожилым относилось уже 6,7%⁴⁵; а в 1937 г. их стало — 6% (причем это среднее значение; 60-69-летние насчитывали 4,4% от населения; 70—79-летние — менее 2%)⁴⁶, в 1939 г. — 6,7%⁴⁷. То есть в эти годы идет абсолютная убыль стариков. При этом доля пожилых на селе была более высокой, чем в городе. В целом, же «в 30-е годы все еще преобладал традиционный тип воспроизводства населения, о чем свидетельствует высокая рождаемость и большое количество детей в возрастной структуре, а также высокая смертность (малый процент пожилых и престарелых)»⁴⁸. Пожилые и престарелые продолжали еще находиться в обществе с традиционным типом воспроизводства населения, которое они же и создавали и поддерживали своей властью и авторитетом. Но тенденция к понижению (до 1939 г.) свидетельствует о том, что и на статистическом уровне оказалась заметна ситуация с уменьшением численности стариков — самой, казалось бы стабильной части социума. Значит, ситуация

³⁹ Ковалев А.С. Указ соч. С. 45.

⁴⁰ Там же. С. 46—47.

⁴¹ Там же. 57.

⁴² Там же. 63.

⁴³ Там же. С. 82.

⁴⁴ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М.: РОСПЭН, 2001. С. 89. Самсонов А.К. Указ. соч. С. 13.

⁴⁵ Там же. С. 90.

⁴⁶ Там же. С. 94.

⁴⁷ Там же. С. 97.

⁴⁸ Там же. С. 108.

в стране с 1920 по 1939 гг. была действительно сверх чрезвычайной, если она коснулась этой категории общества. В 1959 г. доля пожилых, старше 60-ти лет уже 9,4%; в 1969 г. — 12%; прогноз из 1972 г. на 2000 г. — 18%⁴⁹ (в реальности в 2001 г. оказалось — 20,4%⁵⁰).

Но менялись, как было отмечено выше, не только количественные параметры, менялось качество пожилого населения; а это и правовой статус и религиозно-нравственное место «стариков» в иерархии социума; и возможности их оказывать влияние на экономические и культурные процессы. Довоенная статистика еще не дает нам возможности увидеть эти нарастающие качественные перемены, но новая ситуация в демографии начинает складываться в послевоенное время, когда начнется процесс старения общества, и дело здесь не в войне, а в том, что стала реализовываться и демографически проявляться политика государственного (а не «стариковского» — традиционного!) контроля за приростом населения.

Облик старинных «стариков» порой мелькает в воспоминаниях о 1920-х годах, когда «старикам» приходилось уже не сладко, но они доживали достойно, как и жили. О.Н. Вышеславцева, в иночестве Мария сохранила для нас образ такого старика из событий 1920 г. Она трудилась секретарем тогда в комиссариате в г. Москве и была свидетелем большого числа человеческих драм, который порой разыгрывались на ее глазах. Массы крестьянского люда ринулись домой с Украины и Белоруссии, где они были в эвакуации в период наступления Антанты на Русский Север. Проезд через Москву предполагал обязательную регистрацию и получение пропуска, что занимало, порой несколько месяцев. Однажды в конце дня перед автором, тогда юной девушкой, появился старик, упал на колени и начал просить Христа ради помочь ему добраться до дома скорее: «дай на своей земельке умереть». «Мы с трудом уговорили его встать. Это был старик-крестьянин, высокий атлетического телосложения, в овчинном тулупе, поверх шапки и вокруг шеи обмотан шарфом. В глазах какая-то детская беспомощность, граничащая с отчаянием. Он рассказал, что едет из эвакуации, с Украины на родину в деревню, с ним сын, инвалид империалистической войны, сноха с ребенком, две дочери и старуха-жена. Всего семь душ. Вот уже три недели он ежедневно ходит в бюро пропусков, но не

может получить пропуск. Мороз лютый, а ходить нужно из Измайлова — это добрых 12 км в один конец, и сколько еще ходить нужно будет? Живут они в сарае, около леса, а что дальше будет и ума приложить не может. “Теперь вся надежда на тебя, барышня, не дай помереть... На своей земле хочу... Да и старуху с ребятами определять надо, ведь здесь-то погибнут, в свою хату надо”, — и дед снова заплакал»⁵¹. Девушке удалось, обманом и хитростью получить подпись комиссара. Сама она горячо молилась Богу, чтобы Он помог в этой ситуации. Первая ее попытка подписать документ была неудачна, комиссар заметил подвох, но отнесся снисходительно: «Опять филантропией занимаетесь». Потом все же удалось получить подпись под необходимым документом, и старику была вручена нужная ему бумага. Но драма, словно не хотела кончаться; старик на радостях оставил в комиссариате свой узелок, куда он уложил полученный документ, и девушка поняла, что он уже никогда за ним не вернется, так как посчитает его потерянным где-то в другом месте. А поезд и пропуск были «на завтра». Зная лишь приблизительно в какой части Москвы пребывал старик со своей семьей, девушка отправила нарочного латыша с поручением найти их и передать узелок и поручение было исполнено; после долгих поисков тот встретился с дедом: «Узнав в чем дело, он схватил Доната в объятия с такой силой, что могучий Донат понял, что в узелке он действительно принес жизнь». Через несколько месяцев Ольга Николаевна получила посылку и письмо в нем. Посылка была уже выпотрошена по дороге, а в письме от лица сына того старика звучали слова благодарности за спасение семьи: «Перед своей смертушкой батюшка наказал отписать вам, барышня, все по порядку. Доехали благополучно. Как стали подходить к дому, все до земли поклонились — Бога поблагодарили, родную землю целовали. Дом сохранился в целости и все строения. В дом поднялись, баньку истопили, и в радости занялись всяк своим делом. А по первым весенним дням батюшка стал слабеть и начал собирать себя к смерти. Как-то поутру приказал никому на работу из дома не отлучаться: “Нынче помирать буду”. Как полагается, приготовленную на смерть одежду достали, обмыли, пояском от святых угодников подпоясали. В красном углу на скамью он лег, всем наказав по зажженной свече в руке держать, и в свою взял, а мне по нем “отходную”

⁴⁹ Дома-интернаты для пожилых и старых людей в СССР. М.: Стройиздат, 1972. С. 3.

⁵⁰ Демоскоп. №295-296. 2 июля — 19 августа 2007 г. www.demoscope.ru

⁵¹ Три встречи. М.: ПаломникЪ, 2007. Сост. А. Трофимов. С. 287—288.

читать. А перед тем определил, что кому делать и наказ дал барышне посылку послать на помин его души, и еще написать, что будет о ней молиться у Престола Божия. А под конец всех глазами обвел и долго на Спасов лик смотрел... а как "отходную" кончать стали, так и душеньку свою батюшка Богу отдал. И все пошло у них чин по чину, и, как желал, на своей земле помер и в родную землю похоронили...»⁵². Перед нами, в общем-то, хрестоматийный образ «старика-хозяина», подлинной опоры и основы русской деревни; и детскость его, как основа веры, и огромная физическая сила и сердечная, глубинная связь с родиной, родной землей, и ответственность за близких, которых ему вручил Бог — все это укладывается в жизнь, которая завершается как жизнь святого человека. И для его детей, хотя эта смерть приносит скорбь, но насколько она величественна и поучительна, насколько исполнена религиозного смысла!

Приведенный рассказ заставил меня вспомнить еще одну интересную встречу, случившуюся в одной из полевых экспедиций 2006 г. в Тамбовской области, в крупном селе Жердевка, с пожилым иеромонахом, постриженным еще в советские годы, вне стен монастыря и доживавшим свой век на родине, недалеко от места, где он был священником. Отец Иоанн (Макашов) рассказал нам историю своего рода, в которой фигурировали те самые старики, которые были раскулачены и затем испытали все тяготы ссылки и изгнания в конце 1920-х годов. В этом рассказе, как в капле воды можно увидеть всё: и величие ответственности того старшего поколения за своих детей; их необыкновенную веру, способность выживать в любых условиях, быть действительно старшими в семье.

Семья у них была богатая, в одном доме жили муж с женой — хозяева дома, лет 40—50-ти (дедушка и бабушка нашего собеседника); с ними жил сын с молодой женой, самая младшая дочь 15 лет и два сына отрока. Была еще старшая дочь, вышедшая замуж и живущая своей семьей отдельно. Когда семью стали раскулачивать то арестовали бабушку и дедушку, семью сына и дочь 15 лет. Всех их отправили в ссылку: мужчин в Сибирь, женщин в Архангельскую область. Младшие дети были предоставлены сами себе и родители, уезжая, даже не знали, что с ними будет. Старшую дочь, живущую отдельно не тронули, потому что она была замужем за бедняком. Ссылных женщин поместили в лесу, рядом с болотом, в шалаше, как и других им подобных. Здесь они трудились,

заготавливали клюкву и еще что-то, потому вся их трудовая деятельность проходила на болоте; тропу, по которой передвигались вглубь болота, застилали валежником. Болото не промерзло даже зимой. Спали в шалаше, не раздеваясь, в валенках и тулупах, прямо на жердях-нарах, не застеленных ничем. Женщины в семье были глубоко верующими и бабушка, очевидно, все время молилась. В одну из ночей, когда бабушка не спала, углубившись в раздумья о судьбах своих оставшихся детей, полог шалаша открылся и внутрь вошел человек. Бабушка сразу в нем узнала святителя Николая. Бабушка звали Иулиания. Он сразу спросил: «Не спишь, все думаешь о своих ребятках, не горься, у них все хорошо, они сыты и здоровы, живут у твоей дочери Поли. Скоро из дома придут бумаги, и ты проводишь своих девок домой, а потом и сама уедешь. А чтобы они благополучно доехали, вот им мой путеводитель», — и святитель Николай подал женщине деревянную иконку хорошего письма со своим изображением. Попрощался и ушел. Бабушка только слышала, как хлопнула калитка, и заскрипели по снегу шаги уходящего человека. Потом всё так и произошло, все трое двумя партиями добрались до дома; не потерявшись ни в лесу, когда выходили, не заблудившись в дороге, пересаживаясь с поезда на поезд. Дома узнали, что дети (два мальчика), оставшиеся одни, были взяты старшей дочерью бабушки, но власть не позволила им сидеть дома и играть со сверстниками. Дети врагов народа должны были трудом доказать свое право жить среди свободных крестьян. И детей определили подпасками в помощь пастуху. Со слов нашего собеседника о. Иоанна именно бабушка, оставшаяся за старшую, определяла весь порядок и уклад их большой семьи. Сама она жила под духовным руководством старицы схимонахини Михаила (Сарычевой), известной подвижницы в Тамбовском и Воронежском крае; у нее в доме не раз останавливались подвижники того времени, и внук ее от дочери Татьяны, с которой она была в ссылке, стал монахом, а потом и схимником.

Как это не кажется странным, но проблема демографии, упирающая сегодня не только в малодетные семьи, но и в появление огромного числа женщин, не желающих рожать детей, — также связана с уничтожением советской властью «старинных стариков». Убранные с дороги действующие со властью старинные «старiki», бывшие подлинным нравственным авторитетом в семье, сравнимым только с авторитетом священника-духовника и авторитетом Бога, перестали быть той

⁵² Там же. С. 294.

важной сдерживающей силой, которая формировала общественное мнение. Убрав с дороги этот важный авторитет, власть добилась того, чтобы женщины сами решали семейные вопросы, предоставив им полную свободу, в том числе, в совершении аборт. А если учесть тот факт, что большое число женщин было вырвано из традиционной среды, попало на производство, в новые, городские условия жизни, то становится понятным насколько важны были эти внешние скрепы прежде. Аборты в 1920-е — 1930-е (до 1936 г.) стали обычным явлением для женщины, «свободной» в своем праве выбирать свой путь. Но только новую свободу ее отныне стали поддерживать другие силы; атеистическое государство, совесть лишенная церковной мотивации и духовная сила, противоположная Богу.

А ведь еще «старика» были неугольны власти, потому что знали ей истинную цену, они помнили прошлое, знали, как было «при царе» и как стало «при псаре». А.И. Куприн в коротеньком рассказе «Извозчик Петр» ярко передал как раз эту ценностную сторону значимости «тех стариков». Извозчик, который долгое время возил писателя по привычному маршруту, и которого Куприн не знал даже по имени («спины у всех извозчиков одинаковы»), уже после революции, в 1919 г. как-то разговорился с ним. И выяснилось, что сравнив ту и другую жизнь, старый извозчик пришел к неутешительному выводу: «Никакой царь богаче меня не жил» в прежнее время. История закончилась через некоторое время, когда в Москве наступили голодные дни. Тогда писателя посетила старая женщина — жена умиравшего извозчика Петра, со словами: «Вот послал он меня к тебе. Умирает он, муж-то мой, извозчик Петр. Отец Иоанн его вчера сообщал. Водянка у него. Ноги распухли, и к сердцу вода подступает. Захотел он кое-чем распорядиться перед смертью. И тебя вспомнил. Скажи, что мы от него обиды никогда не видали. А ему, может быть, плохо живется. Так отнеси что-нибудь из съестного. Скажи, что от извозчика Петра на память». И развернула кулек. Там был печеный черный хлеб, фунтов пять муки, шесть яиц и телячья лопатка — «Вчера своего теленочка зарезали»... Легко было в России быть добрым. А мы этого и не подозревали». Уже престарелого, отсидевшего все возможные сроки в советских лагерях, о. Павла Груздева, спросил духовный сын о прошлом: «В старину-то здорово было?». «Не высказать, — ответил тот, — в каждом селе

церкви, колокольный звон, часовни, кресты, кругом ласково кланяются, ласково встречают. Я не хочу представлять всё в розовом свете, но сколько святынь было...»⁵³.

Рассмотрим подробнее стратегию планирования и воплощения в жизнь государственной политики по отношению к старикам. Уничтожая власть «стариков» в обществе, государство акцентирует свое публично организуемое внимание на той части престарелых, которые в дореволюционные годы назывались «богадельные», т.е. старики, попавшие в богадельни, полностью немощные и физически зависимые. Но и здесь долго, почти до 1950-х годов, было не все гладко. Поначалу дореволюционная система призрения (государственная, частная и церковная) вся была уничтожена. Богадельни закрывались, потом преобразовывались в «социальные учреждения», в иных случаях укрупнялись, но особенно в начальный период (первая половина 1920-х) отличались нестабильностью обеспечения, плохим персоналом, крайне некачественным уходом за пациентами. Даже случайные примеры, которые встречающиеся у пишущих авторов 1920-х годов, очень красноречивы. Один такой случай сохранился в записках А.И. Куприна, составленных в годы Гражданской войны. Приведу целиком этот характерный отрывок, где речь идет о Гатчине, судя по всему 1919 г. (город тогда находился во власти красных): «Рядом с нами, еще в дореволюционное время, город построил хороший двухэтажный дом для призрения старух. Большевики, завладев властью, старушек выкинули, в один счет, на улицу, а дом напихали малолетними пролетарскими детьми. Заведовать же их бытием назначили необыкновенную девицу. Она была уже немолода, со следами бывшей роковой красоты, иссохшая в дьявольском огне неуголенных страстей и неудач, с кирпично-красными пятнами на скулах и с черными глазами, всегда горевшими пламенем лютой злобы, зависти и властолюбия. Я не мог выдержать ее пристального ненавистнического взгляда. Как она смотрела за детьми, видно из того, что однажды вся детвора объелась какой-то ядовитой гадостью. Большинство захворало, одиннадцать детей умерло... Как-то раз к нам во двор забежала девочка из этого приюта, лет двенадцати, но вовсе карлица, в старушечьем белом платочке и с лицом печальной больной старушки. Она рылась в помойке. Нам удалось побороть ее одичалость, кое-как помыть ей руки и рожицу и покормить тем, что было дома.

⁵³ Последний старец. Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева). Ярославль: Центр Православной культуры святителя Димитрия, 2004. С. 401.

Звали ее Зина. У нас она немножко облюдовала. Пришла еще раз и еще, а потом даже привела с собой шершавого веснушчатого мальчугана, осиплого и дикого, как волчонок. Но однажды, едва она вошла в калитку, как за ней следом бешеной фурией ворвалась надзирательница. Ее страшные глаза “метали молнии”. Она схватила девочку-старушку за руку и поволокла ее с той деспотической небрежностью, с какой злые дети таскают своих несчастных изуродованных кукол. И она при этом кричала на нас в таком яростном темпе, что мы не могли бы, если бы даже и хотели, вставить ни одного слова: — Буржуи! Кровопийцы! Сволочь! Заманивают малолетних с гнусными целями! Когда вас всех перестреляют, паршивых сукиных детей!» Через полмесяца эта дама везла на тачке детский гробик мимо дома автора, чтобы похоронить на кладбище очередного умершего ребенка, но так случилось, что возле ворот он упал и распался. Куприн вышел и сказал, что поможет, сходил за молотком и гвоздями, завязался диалог: — Это не Зина? Она ответила, точно злая сучка брехнула: — Нет, другая, стерва. Та давно подохла. — А эту как звать? — А черт ее знает! И влегла в тачку всем своим испепеленным телом»⁵⁴.

Конечно, существует некая официальная история советского социального обеспечения, куда входит и тема престарелых, и согласно этой истории, уже в ноябре 1917 г. был образован Народный комиссариат государственного призрения РСФСР, куда вошли все органы, занимающиеся призрением и благотворительностью в царской России и в период правления Временного правительства⁵⁵. В апреле 1918 г. изменили название комиссариата, он стал называться Народный комиссариат социального обеспечения. В конце 1918 г. было принято положение о социальном обеспечении трудящихся, в том числе пенсиями. Появились и соответствующие органы, комиссариаты — труда и социального обеспечения. Что было не отнять у советской власти, так это системный (машинно-системный) подход ко всему, в том числе в социальной сфере. Страну разбили на квадратики и в каждом «квадрате» (губерния, уезд) с весны 1918 г. появился отдел социального обеспечения. Каждый отдел состоял из девяти подразделений, где среди прочих был и отдел убежищ для престарелых. Работа этих заведений об-

суждалась на съездах социального обеспечения, контролировалась различными партийными и (в случае необходимости) чрезвычайными органами.

Пока шла Гражданская война, все внимание было сосредоточено лишь на помощи престарелым родственникам воюющих красноармейцев; они получали пенсии, их определяли в бывшие богадельни, им в случае особой надобности оказывали помощь на дому⁵⁶. Абсолютное большинство тех, кто до ныне пишет на эту тему, абсолютно искренне считают, что сложившаяся тогда государственная система социального обеспечения — это выдающееся и уникальное явление⁵⁷. В лучшем случае после произнесения этих торжественных слов, в конце текста, в нескольких абзацах, авторы высказываются на тему несправедливости и ошибок, которые допускала советская власть, но опять, как это принято сегодня говорить в таких случаях: «лес рубят, щепки летят». Некоторые признают серьезные ошибки власти, например, тотальное разрушение *прежней системы* призрения. Но нигде, ни в одной работе (!) нам не приходилось читать, что фатальным было не только разрушение «прежней системы», а выбрасывание сотен тысяч прежних «стариков», ютившихся в богадельнях, на улицу, так, как это описывает Куприн. А ведь это было *повсеместно*! Все женские монастыри (а в каждом была богадельня) были оголены и очищены от стариков; все частные богадельни (а их было большинство) были подвергнуты переделке. Каждая богадельня обязательно имела домовый храм, поэтому ее обязательно переделывали, храм уничтожали, устраивая так называемый ремонт, в результате чего происходила унификация помещений и приспособление их под максимальное количество жильцов. Уплотнение происходило не только в домах жилого фонда, но и здесь. Переделка приводила к тому, что бывшие богадельни заселяли другим контингентом.

Советская власть по отношению к старикам не раз и не два переступала самые незыблемые границы человеколюбия. Классовая ненависть заставляла людей нарушать самое святое, не щадить детей и стариков во имя каких-то высоких целей, но мучить и убивать их. Большевики не раз расстреливали и тех и других. Престарелый митрополит Санкт-Петербургский Серафим (Чичагов) был не просто арестован и изолирован в тюрьме,

⁵⁴ Куприн А.И. Купол святого Исаакия Далматского. Извозчик Петр. М.: Раритет, 1992. С. 20—22.

⁵⁵ Приводим эту историю по книге: Холостова Е.И., Малофеев И.В. Система социального обслуживания населения: исторический экскурс и современный взгляд. М., 2017. С. 12.

⁵⁶ Там же. С. 14—15.

⁵⁷ Там же. С. 27; История социальной работы. В 5-ти томах. Ставрополь, 2014. Сост. С.В. Агулина; Ковалев А.С. Инвалидный дом как институт социальной помощи пожилым людям и инвалидам в 20—30-е годы XX в. (на материалах Сибири). Красноярск, 2013. С. 7.

но расстрелян, как будто он представлял какую-то огромную опасность для власти. Расстреливали престарелых священников, верующих, да и просто равнодушных людей, если они позволяли себе, по старшинству, делать замечания распоясавшимся молодчикам, наделенным властью. Не эта ли причина лежит в основе того, что советская социальная система обеспечения только к концу 1950-х — началу 1960-х годов (т.е. после 40 лет советской власти) стала функционировать как общая система, для всех граждан страны. Столь радикальное отвержение всего прошлого, — не только опыта, но и людей прошлого — не могло не повлиять на создание этой сферы, хрупкой и деликатной, по всем ее параметрам. И дело не столько в материальной стороне разрушения прошлого, сколько в разрушении духовно-нравственной основы, на которой стояло прежнее здание призрения. Попранные духовно-нравственные основы и стали главным препятствием для созидания эффективной (гуманной) новой конструкции.

Рассмотрим подробнее все эти специфические особенности и принципы советского подхода к делу призрения престарелых в специальных учреждениях. Важнейшей здесь является тема помощи не для всех стариков. Сегрегационный подход был положен в основу советской государственной системы социального обеспечения. И хотя «враги советской власти» попадали в 1920—1930-е годы в убежища-инвалидные дома, но условия пребывания в них были немногим лучше лагерных; при нищенском материальном обеспечении, скученности и наличии строгого распорядка и дисциплины, они лишены здесь были всякого духовного попечения. При перестройке богаделен под «убежища», первым делом закрывали церковь под предлогом более эффективного использования (20 дополнительных кроватей) данного помещения; священники сюда не допускались⁵⁸. В целом, наблюдалась тенденция к укрупнению данных заведений, вызванная дефицитом обслуживающего и медицинского персонала, поэтому отдельные дома престарелых закрывались, чтобы собрать весь контингент престарелых в одном месте. При этом часть заведений была «с посторонним уходом», а другая — с самообслуживанием. Например, в 5 убежищах с посторонним уходом престарелых одного из московских районов в 1922 г. числилось 790 чел.; в 2-х других, с самообслуживанием — 140 чел. Подавляющее большинство обитате-

«Наши силы неисчислимы».
В. Б. Корецкий. Плакат. 1941.

лей убежищ были женщины. Например, в январе 1922 г. 721 женщина и 80 мужчин. Умирало в месяц в среднем от 7 до 12 человек⁵⁹. Инспектировавшие убежища отметили, что при отпуске продуктов «по нормам богаделен», обитатели эту норму не получали; продукты некачественные и в меньшем объеме, одежда, обувь и даже мыло неудовлетворительны. Есть огороды при 2-х учреждениях по 2 десятины земли. Не вызвала никаких нареканий культурно-просветительная работа; лекции, чтение газет, собрания по темам «О помощи голодающим Поволжья», «Об изъятии церковных ценностей», «О праздновании 1 мая» и др. «В некоторых убежищах ставятся спектакли и проводятся концерты, а также есть возможность посещать театр (бывший трактир “Яр”)».⁶⁰

Опека стариков в ленинско-сталинский период характеризуется еще одной важной деталью: большим разрывом между словом и делом, меж-

⁵⁸ Отчет о деятельности совета и его отделов. С 1 января по 1 октября 1922 г. М., 1923. С. 73.

⁵⁹ Там же. С. 72.

⁶⁰ Там же. С. 73.

ду обещаниями власти и реальным выполнением этих обещаний в отношении стариков. Обещанная помощь старикам пролетарского происхождения (или родственникам воюющих за советскую власть) не была в полной мере оказана; денег не хватало и количество убежищ в 1920-е годы неуклонно снижалось: с 1597 инвалидных домов в 1921 г. до 341 в 1925 г. Неуклонно уменьшалось и число призываемых; с 86 891 в 1921 г. — до 26 733 человека в 1925 г.⁶¹ И эта тенденция продолжалась до начала 1930-х, и лишь к середине 1930-х начался небольшой рост убежищ и численности их обитателей (в 1938 г. — 336 инвалидных домов с 47 435 обитателями⁶²).

Таким образом, в 1920-е — 1930-е годы старики были лишены своего социального иерархического статуса в обществе (и тем самым была разрушена вся традиционная система социальной иерархии). Контроль «совести», который осуществлялся главным образом через стариков, был заменен идеологическим государственным контролем. И второе — проблема старости была целиком переведена в русло медицинской помощи, а старики приравнены к инвалидам. После чего эта категория была максимально закрыта от общественного внимания, чтобы они своим видом не дискредитировали «молодую и здоровую» советскую власть. В этом контексте старики являлись наследниками «нищенства и беспризорности» — «позорных явлений царского времени». Был и третий, важный пункт, в соответствии с которым т.н. несоветские старики представляли опасность для советской власти из-за нередких антисоветских настроений в их среде, монархизма, положительных знаний о прошлом. Все это в целом, и поставило традиционных стариков в разряд изгоев, ненужных советской власти, но от которых нельзя было сразу и в одночасье избавиться.

Послевоенный период (1940-е — 1980-е годы)

После смерти Сталина, начала меняться тактика в отношении стариков в обществе. Ушли в прошлое идейные «враги народа», и эта характеристика стариков также ушла в прошлое; в них перестали видеть антисоветскую силу, но продолжили смотреть на эту категорию населения главным образом через медицинские очки. Правда в 1960-е годы появляется и новый — позитивный — взгляд на стариков, как на носителей советского опы-

та — памяти «о героических годах» революции и Гражданской войны. Это двойственное отношение к старикам — утилитарное, с искусственно заниженной социальной оценкой, и эпически-героическое, — как-то надо было разводить, отделять одно от другого и даже не связывать одно с другим. В таком подходе и видится нам специфика указанного периода, вплоть до конца советской власти. Старики безвозвратно потеряли свою традиционную обычно-правовую функцию быть судьями в обществе, законодателями общественного мнения, но на новом этапе своего существования советская власть предложила им почетную должность быть нравственными наставниками молодежи, воспитателями советского духа (через отношение к труду, к героям революционных, а потом и военных лет). То есть старикам вернули одну из важнейших их привилегий, но в допустимых государством идеологических рамках.

В какой-то степени позитивный взгляд на стариков заставил в значительной степени изменить государственную политику социальной опеки этой категории населения. Начинается время неуклонного улучшения бытовых условий домов престарелых. В первую очередь, это касается появления домов-интернатов (с 1950-х годов) для престарелых, как особой возрастной категории населения, которую перестали объединять в одну группу с инвалидами. Возникла потребность в создании специальных заведений, приспособленных для престарелых⁶³. Они планируются и строятся с учетом возможного посещения их зарубежными гостями, прежде всего из стран социалистического лагеря. Старики и государственная забота о них становится открытой, публичной, своего рода визитной карточкой социалистического отношения к особо нуждающимся слоям населения⁶⁴. Общий подход лагеря социализма, в котором находились и европейские страны, заставил совершенствовать и модернизировать подходы к опеке; использовать новые, популярные в других странах. Так в начале 1960-х годов в мегаполисах Москве, Ленинграде, Киеве и ряде других возникли «очаги санитарной культуры по месту жительства», так называемые комнаты здоровья, в основном ориентированные на пожилых людей. При больницах также организовывались дневные стационары для пожилых⁶⁵.

⁶¹ Ковалев А.С. Указ. раб. С. 58.

⁶² Там же. С. 67.

⁶³ Сборник руководящих материалов для работников домов престарелых и инвалидов. М., 1962. Сост. М.Е. Буренков, И.Ф. Солдатенкова, М.Т. Цветова.

⁶⁴ Рудаков П.Г. Дома-интернаты для престарелых (архитектурно-планировочное решение) // Автореферат кандидата архитектурных наук. М., 1962. С. 5.

⁶⁵ Проектирование жилых домов для престарелых. М., 1975. Сост. О.Я. Смирнова. С. 7.

На зарубежный, в том числе капиталистический опыт в области социальной опеки власть начинает смотреть во многом положительно.

Понятие «досу́га» становится важнейшим в деле организации повседневности в домах престарелых. Архитекторы закладывают при проектировании новых домов в качестве важнейшего элемента комнаты отдыха и мастерские трудотерапии. Сам интернат для престарелых — это специально спроектированный комплекс зданий и приспособленной территории. Разработка типовых проектов началась в СССР в 1960-е годы. Архитекторы работали в тесном сотрудничестве с медицинской АН (институты геронтологии), с институтами психологии. За короткий срок с 1960 по 1970 год в стране появилась новая — интернатная — система обслуживания пожилых людей, нуждающихся в повседневном бытовом и медицинском уходе. За это десятилетие было создано 79, 6 тысяч мест. К 1979 г. в стране уже обслуживалось в интернатах для престарелых 239, 5 тыс. человек⁶⁶. Система интернатных домов включала в себя и корпоративные — профессиональные дома-интернаты: для партийных ветеранов, мастеров сцены, кино, науки; отдельно для ветеранов труда города и деревни (дома для пожилых колхозников). Все эти заведения функционировали за счет разных источников — целевых государственных, творческих союзов, предприятий и учреждений, но в целом, можно сказать, это была единая бесплатная государственная система интернатного обслуживания престарелых. Но уже в конце 1960-х — начале 1970-х в СССР появляются и платные интернаты для престарелых — пансионаты, которые строит государство⁶⁷.

Новые заведения рассчитаны на дифференцированное поступление пожилых лиц; в отдельную категорию попадают немощные лежачие (а это 36% от всего числа престарелых), их селят отдельно; есть группа семейных пар (3%); есть интернаты только для женщин (10%) и только для мужчин. Но большинство интернатов — стандартные, где совместно проживают мужчины и женщины, лежачие и обычные престарелые⁶⁸. В эти же годы разворачивается и такая форма опеки как надомный уход; специально готовятся кадры и даже имеются планы на создание специальных квартир для пожилых, желающих жить рядом со

своими детьми. Последние должны были за свои средства, через кооперативы выкупать такое жилье, где предполагалась особая планировка «квартиры на три поколения»: 1) основная квартира для семьи детей; 2) однокомнатная для пожилого. Обе квартиры соединены общей дверью⁶⁹.

Собственно, данная интернатная система и позволила государству (и научным исследователям) говорить о том, что в СССР была создана принципиально новая модель социального обеспечения, а «социальное обеспечение поднялось на качественно новый уровень, превратившись в единую государственную систему»⁷⁰. Современные авторы, к счастью, признают, что огосударствление этой сферы принесло и немало отрицательного; оно сломало эффективную, работающую дореволюционную систему призрения, где общественные организации играли значительную роль. «В результате общественное призрение свелось к социальному обеспечению, были утрачены многие виды социальной поддержки; был полностью ликвидирован институт монастырской и церковно-приходской благотворительности». Но критика огосударствления социальной опеки в недавно вышедшей работе на эту тему в основном все же касается двух моментов: 1) исчезнувшего в результате огосударствления разнообразия форм социальной опеки 2) а также — источников финансирования. При этом авторы признают «сильные стороны этой системы»⁷¹. Надо полагать, что «сильные стороны» как раз и появились в 1960-е — 1970-е годы, но появились именно на фундаменте «слабых сторон», т.е. разрушения дореволюционной системы. И по-другому они не могли появиться. По этой логике следует признать, что и первый этап — разрушения — был обязателен и закономерен. Или же слова критики будут лишь ничего не значащими и упреками.

Но есть еще более важная проблема. Это проблема запрета на особое иерархическое положение стариков в обществе, к которой советская власть, даже в усеченной форме не вернулась при Хрущеве и Брежневе. На наш взгляд, ни время, ни война не уничтожили то трагическое положение, в которое попали старики в довоенный период, но в еще большей степени усугубили его. И здесь никакая статистика не поможет нам разобраться с особенностями существования «старинных

⁶⁶ Дома-интернаты для пожилых и старых людей в СССР. М.: Стройиздат, 1972. С. 4.

⁶⁷ Там же. С. 5.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 12.

⁷⁰ Холостова Е.И., Малофеев И.В. Система социального обслуживания населения: исторический экскурс и современный взгляд. М., 2017. С. 29.

⁷¹ Там же. С. 27.

стариков» в послевоенный период; здесь возможно лишь обращение к чуткому сердцу и острому глазу писателя и художника, людей русской традиции, запечатлевших в своих произведениях эту глубинную породу людей. Этих стариков большей частью надо искать не в домах престарелых и домах-интернатах, а где-то в самой гуще человеческой истории этого времени, где их продолжали не замечать официальные органы, но где, благодаря им творилась не меньшая история, чем она творилась на Байконуре.

Как советская власть ни старалась унифицировать общество, в том числе сельское, по-своему образцу, уничтожая все религиозные и нравственные мотивации и смыслы поведения и деятельности людей, сделать это до конца ей так и не удалось, хотя системное разрушение традиции все же было осуществлено. После войны, благодаря которой среди сельской интеллигенции появились люди, думающие в рамках традиционного мышле-

ния, стало ясно, что не только внешние и внутренние враги страны и власти создают препятствия для нормализации народной жизни, но немало их в трагических ошибках и просчетах самого советского строя. Поколение писателей-деревенщиков появилось именно на этой волне народного вопрошания, и здесь сразу было обращено внимание, что особая роль сохранения устоев лежит на стариках старой закалки и старых понятий, с их большим авторитетом, опытом и властью. В числе первых были северяне и сибиряки В.П. Астафьев и Ф.А. Абрамов, В.И. Белов. Центральное произведение Астафьева, которое он писал практически всю творческую жизнь, начиная с 1958 г. по 1992 г. — «Последний поклон» — стало его последним христианским и человеческим поклоном главным образом его бабушке Катерине Петровне. Обратим сразу внимание на то, что в числе главных героев-стариков во всех произведениях (Астафьева, Абрамова, Яшина, Распутина,

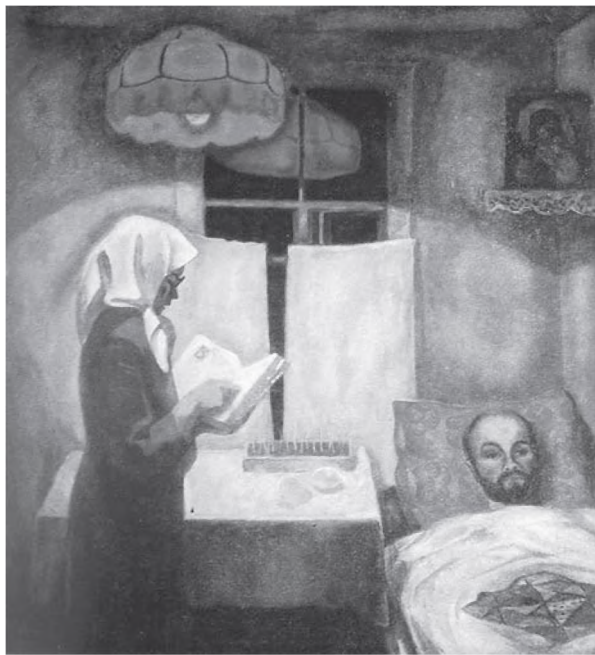
«Хороший был человек бабка Анисья». В.Е. Попков. 1973.

Белова, Носова и др. действуют не мужчины, а женщины. Старики-мужчины старинного облика в послевоенный период словно насовсем уже исчезли из русской деревни! Каким серым и невыразительным выглядит муж Катерины Петровны, дед Астафьева по матери, по сравнению со своей деятельной и умелой женой. Другой дед, по отцовской линии Яков выглядит еще более «не образцово». Из числа раскулаченных, побывавший в ссылке, где умер его отец, дед этот сохранил «кулацкие» черты предприимчивого человека, но вместе с тем в нем появилось и много такого, что роднило его с советскими людьми — потребительское отношение к природе, изворотливость и равнодушие к т.н. «народной» собственности. Это подлинный хищник, но измельчавший, не годный ни на что значительное и деятельное, а лишь на сиюминутное и грубое.

В бабушке Катерине Петровне — единственной подлинно творческой и самостоятельной натуре, юный Астафьев находит все настоящее и глубокое; тесно, поименно знакомится с миром животных и растений; бабушка же являет собой пример мудрого человека, знающего как жить, как общаться с людьми в соответствии с их характером и нравом; она же — центр их большой семьи. Авторитет бабушки среди сельчан огромен. И не потому, что она по-народному «лечит», это как раз не самая сильная ее сторона, над которой и сам автор, порой, иронизирует, — авторитет бабушки

в ее способности называть вещи своими именами. Она не противница советской власти, она не из кулаков, но с какой уничижительной силой она говорит о слабости советского строя, о лицемерных советских чертах в поступках местных руководителей, о дурных привычках запугивать или обманывать народ, о пустословии на собраниях. Она не боится отобрать оружие у местного партийного деятеля, когда тот начинает в пьяном виде изгаляться над людьми, не боится пристыдить юмором свою партийную сноху на собрании; она передает односельчанам свое ироничное отношение к показухе и лицемерию не как к отклонениям, а к чертам, порожденным советской действительностью. От бабушки будущий писатель получает основное — понимание человека как подлинного хозяина в жизни; хозяина над всем ее течением, лично ответственного за жизнь. Везде — в вере, в хозяйстве, в общении с другими людьми — бабушка писателя являет себя, как личность, свободная и независимая, полная достоинства и человечности. В ее нарочитой грубости заключена своя народная правда — защищать свой внутренний мир от мира окружающего, хотя и грубого, но нередко скрывающего за грубостью и доброе сердце, и чистую душу. Сила астафьевского образа «бабушки Катерины Петровны» в его подлинности; эта реальная народная жизнь человека, реальная судьба, повлиявшая не только на множество людей в том месте, где она жила, но и на жизнь и судьбу ее внука — выдающего русского писателя В.П. Астафьева. А через писателя этот образ стал достоянием и всего народа, да и всего мира, поскольку книги Астафьева были переведены на многие языки.

В 1969 г. появляется повесть Ф. Абрамова «Деревянные кони», одна из самых известных его вещей. Сам жанр повести, с ее одноплановостью и суженным ядром произведения располагает к большей сосредоточенности на главном герое — «старухе Мелентьевне», как неоднократно, нарочито, называет ее писатель. Это старинная крестьянка, образ которой раскрывается не через диалоги, а через действие — ее поведение. Рассказ о Мелентьевне идет главным образом от лица ее снохи. Автор сначала слышит о необыкновенной Мелентьевне, о скором и долгожданном ее приезде; видит с каким усердием и вниманием готовятся к этому ее сын Максим и его жена, словно впереди — большой церковный праздник. Вскоре и сам писатель после короткого общения быстро заряжается бодростью и веселостью духа, который разливает вокруг себя эта пожилая женщина. Писателя поражает ее живое отношение к труду, что в общем-то стало вокруг почти редкостью. Даже сверстницы Мелентьевны старухи деревни Пижма, и

«Мать и сын». В.Е. Попков. 1970.

те научились уже проклинать труд и радоваться его отсутствию.

Мелентьевна называется в одном месте «старорежимной крестьянкой», чтобы ясны были истоки ее особого отношения к труду. Ее особой заслугой стало перевоспитание целой деревни — Пижмы, где жили вольные охотники, люди, не привыкшие к сельскохозяйственному труду. Охотничий труд не приносил постоянного достатка, поэтому люди здесь жили не богато и даже не зажиточно. Но при этом надежда только на охотничий промысел располагала к риску, азарту, порой даже хулиганству, и к тому же порождала лень и нежелание трудиться на земле. Так деревня получила дурную славу «урваев», по единственно бытовавшей здесь фамилии. Мелентьевна попала сюда 17-летней девушкой, отданной из большой работающей семьи в замужество за одного из «урваев», и сразу прошла такое испытание, что память о нем осталась на всю жизнь. Но ее подлинно христианская натура, умеющая прощать обидчиков, ее строго евангельское отношение к браку, снискали ей авторитет среди урваевских стариков и с этого и началась ее деятельная, хотя и многотрудная жизнь в Пижме. Она сумела направить неумную, кипучую энергию урваев в нужное русло; заинтересовала их расчисткой леса и получением больших урожаев на земле. Жители села быстро разбогатели, поголовно сделались зажиточными, «вышли в люди», как потом говорили сами они. Свои богатства не стали хранить и прятать по сундукам, а стали строить красивые дома, с резьбой и украшениями, крашенными воротами, резными конями на крышах домов. А когда началась коллективизация, урваи, недавние бедняки, попали в число раскулаченных. Мелентьевна, тогда еще молодая женщина прилюдно каялась перед свекром, которого увозили на поселение в том, что она соблазнила их на новую жизнь, за которую они теперь расплачиваются. Но свекор поблагодарил ее за то, что она открыла всем урваевам глаза на труд и «нас дураков людьми сделала. Всю жизнь, до последнего вздоха, благословлять тебя буду».

Советское отношение к труду не предполагало зажиточности, которая появляется из лона личного, семейного труда; труд «по-советски» должен был вестись коллективно, и динамика его предполагала движение от состояния бедности до состояния зажиточности, как общего состояния всех работающих. Однако, такой труд был лишь в теории, потому что на практике плодами его, перераспределением его результатов занимались не сами трудившиеся, а партийные столичные чиновники. В результате такой труд достаточно скоро потерял свою привлекательность и смысл. Сохранить себя,

свою душу в условиях тотального обесмысливания труда — важнейшего жизненного постулата для сельского человека — и стало настоящим жизненным подвигом для Мелентьевны. Ее труд в старческом возрасте изменился, но отношение к нему осталось прежним. Она живет в семье пьющего сына Ивана, потому что здесь нужно трудиться; она приезжает к детям не отдыхать, а помогать; ходит за грибами и ягодами, потом занимается приготовлением солений и варений. Когда Мелентьевна приезжает к сыну Максиму в Пижму, все село встречает ее на переправе, каждому чем-то она дорога. Писатель передает свои ощущения после того как Мелентьевна уехала домой к сыну; без нее ему сразу в Пижме всё «опостытелo», потеряли привлекательность даже этнографические раритеты, которыми полна была деревня и которые до того доставляли ему столько радости. Абрамову захотелось поскорее уехать домой «и просто делать людям добро». Мелентьевна только своим присутствием открыла писателю великую тайну, еще один свой «клад»: если прошлое не одухотворяет человек с подлинно христианским отношением к труду и к людям, то прошлое становится языческим. Не случайно же писатель называет свое прежнее — до приезда Мелентьевны — отношение к этнографической старине «волхованием над крестьянской стариной».

Еще один образ «старинной старухи» ярко выведен в повести В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой» (1976 г.). Однако, при внимательном рассмотрении, оказывается, главная героиня повести по многим признакам не может быть причислена к вышеуказанным народным персонажам, это литературно надуманный образ, это «лунное» отражение классических старух Астафьева и Абрамова, и потому желание Распутина передать трагедию русской деревни Матёры через образ Дарьи Пилигиной не реализуется. Трагической выглядит сама ситуация затопления деревни, но не конфликт укорененной здесь старины с советской новизной. Старина в лице Дарьи слишком аморфна, природа ее прописана не глубоко, да и сводится она большей частью к моральному авторитету, при отсутствии духовного. Здесь также, как и у Астафьева и Абрамова «советское» отношение к жизни сталкивается с традиционным, но сталкивается по-иному, не сущностно, а опосредовано. У Распутина «советское», несущее зло — это все, что касается затопления края в результате строительства ГЭС, это неверное, а может даже не до конца продуманное решение. Это конкретное, хотя и большое зло, и оно для писателя Распутина (а значит и для его героев) не соотносится с советской властью и порядком вообще, оно не абсолютное зло. В стро-

«Посиделки». В.Е. Попков. 1965.

ительстве ангарской плотины, а значит и в затоплении территории есть и свое добро; это некий прогресс, движение жизни, экономическая целесообразность. У Астафьева и Абрамова «советское» как зло, представлено по-иному. Оно пытается сломить «обстоятельствами жизни» главных героев в лице их старух Катерины Петровны и Мелентьевны. Для обеих спасительным началом является глубокая православная вера, молитва, терпение и точное и твердое знание христианских истин и следование им. У обеих в основе их редкого ума лежит премудрость Божия; мудрость от знания и следования Божественным заповедям. Обе старухи не любят советское, но не по политическим соображениям, как власть, а по духовным и нравственным — как ненавистный образ жизни отдельных людей, которые олицетворяют собой «бездушное» советское, и несут его в жизнь. И та, и другая неустанно трудятся, без проклятия труду, со старинным отношением к нему, как к благословению Божию.

Дарья Пилигина из «Прощания с Матерой» как будто бы тоже православная (об этом ее частое

присловье «христовенький») и готова сопротивляться машине советской власти, олицетворяемой выражением приезжих поджигателей «для нас — это пятью пять», но сама она при этом совсем не деревенская, а скорее интеллигентно мыслящая старушка, в которой наблюдается только видимость народности. Она думает абстрактными понятиями, а не чувствами и образами, как это делает человек без образования и умения «мыслить проблемами». Ее думы о старости, например, не столько показатель ее глубокого ума, сколько маркер человека иной социальной страты общества. Важно и другое; Дарья (заметим, что писатель оставляет ее без отчества) мыслит не по-христиански; ее сокровенная мысль о том, что человек мал, негоден для жизни и у нее крайне пессимистичный взгляд на человека; он слаб, дик, в нем мало своего, он безволен. У Дарьи словно вообще нет веры, в подлинно христианском смысле — «доверия Богу», — а есть философия, с постоянными раздумьями над вопросами, как будто совсем далекими от народного бытия. Благодаря такому качеству, писатель хочет сделать ее мудрой (и явно,

что он отталкивается от Ф.М. Достоевского), но на деле начинают звучать нищенские нотки безверия и аморализма.

Символический мир повести также не христоцентричен, что было бы характерно для традиционного русского текста. «Хозяином» острова является не Христос и не Божия Мать, не какой-то местнопочитаемый святой, а простой зверек, неопределенной принадлежности, что-то вроде домового. От себя Распутин добавляет, что понятие «хозяин» — это «троица», но не божественная, а человеческая: глава семьи — мужчина (Бог Отец); печь — Бог Сын и самовар (Дух Святой). Писатель прямо не проводит этих параллелей, но они очевидны. Стержнем острова Матёра оказывается не храм или часовня, а царь-дерево — листвень, очевидный антипод креста. Этому дереву еще до советской власти, поклонялись по-язычески, приносили ему еду как жертвоприношение. Листвень не смогли покорить ни огонь (сжегший когда-то здесь часовню) и поджигатели, олицетворяющие советскую власть. Он оказался здесь сильнее всего.

Традиционные старики, какими они еще являются в произведениях Астафьева и Абрамова, это всегда связующее звено поколений, подлинная опора для юных и молодых, это сила, через которую одно поколение передает эстафету другому. Старики там — это всё: на них держится небо; это и почва, на которой произрастает новое, родившееся поколение; это и воздух подлинной свободы, в котором человек знает подлинную цену и глубину прошлого, настоящего и будущего. Дарья Пилигина не такая. Ни с кем из молодых у нее нет подобной связи. Образы молодых в повести все отрицательные; Андрей — внук Дарьи от сына Павла — страстный служитель прогресса, в том, как его понимает советская власть; Петруха, сын другой старухи — человек «перекасти-поле»; приехавшие на подмогу в Матёру школьники, сравниваются автором с саранчей, назойливой и всепожирающей. Все молодые — без корней, без глубинной связи со стариками, без подлинного смысла существования. Молодые здесь оторваны от стариков, старики оторваны от веры и автору лишь приходится констатировать абсурд происходящего как закономерность. Потому-то листвень и является главной силой, которую не могут сломить поджигатели, что человеческие силы все порушены; люди же не могут сопротивляться (не революционными бунтами, а авторитетом мнения) ни поруганию кладбища, ни разорению и поджигательству домов.

Какими странными для христианки Дарьи выглядят многие ее действия! Например, перед прощанием с домом она закрещивает святой угол,

где находятся иконы. Нигде, кстати говоря, нет к иконам особого внимания, как к домашним святыням. А что это за действие закрещивание икон?! Дарья должна молиться перед иконами, просить Бога и святых о помощи, а тут она сама ограждает их, словно защищает беззащитные иконы от поругания. В одном месте автор сравнивает Дарью с ведьмой, и это при том, что она сознательно не претендует на эту роль. Но автору зачем-то важно это сказать и хотя бы небольшим штрихом обозначить в ней эту особенность. Повесть вся словно пронизана этими противоречиями и несообразностями; народное соседствует с вседонародным, христианское с языческим, налицо господство умозрительного эстетизма. Прощание Дарьи с

Среди внуков. 1970-е годы.
Фотография. Автор неизвестен.

могилами родителей и предков трагично, глубоко, — должно завершиться катарсисом — побелкой избы и подготовкой ее к похоронам — сожжению. Но здесь сожжение становится очевидным символом древнего славянского обряда сожжения покойников. Чистота физическая, о которой Дарья так заботится перед оставлением избы, не сопровождается заботой о чистоте духовной; нет ни молитвы перед иконами, нет выноса икон из дома, но зато из дома торжественно выносятся самовар. После ухода из избы, Дарья по-язычески властно, чуть ли не заклятиями, запрещает поджигателям заходить в нее, чтобы поджигание совершалось

извне, очевидно опасаясь осквернения это пригтовленного к погребению пространства.

Насколько закономерен был В. Распутин, выдвинувший свое, отличное от астафьевского и абрамовского, понимание образов стариков? Тем более его произведение 1976 г. написано было позднее первых новел «Последнего поклона» Астафьева и повести Абрамова. Можно ли считать появление распутинских стариков закономерным, итоговым явлением, или это его личное мнение, не отражающее историческую правду? Думается, что В. П. Распутин, с его интеллигентским, хотя и русским взглядом на проблему стариков появился не случайно, но стал выразителем целой плеяды русских мыслителей послевоенного поколения. Но при этом, они пришли не на смену Астафьеву и Абрамову, выражавших народный взгляд на те же явления, но стали разрабатывать параллельное направление в русской мысли. Интеллигентский — распутинский — взгляд на народные начала эстетически был крайне привлекателен, более понятен городскому обывателю, которому для понимания важнее и интереснее были символика и тайны языческого характера, чем глубокая духовная мотивация, — к тому же требующая личного религиозного опыта, с христианской основой. Нельзя не понимать, что для всех, кто в это время испытывал глубокую неприязнь к христианству, более приемлемым было видеть оскотенное народное начало, лишенное веры, но пронизанное суевериями и языческими реминисценциями. Вот почему в те годы столичная интеллигенция поддержала не Астафьева, а Распутину, с его нарочито сложными стариками; его она сделала знаменем «деревенщиков», знаменем народности и выражения русских начал в художественном творчестве.

Проблема стариков в послевоенный период, в ее подлинном — этническом — смысле, а не узко социально-медицинском, продолжала существовать до конца советской эпохи; народ продолжал хранить в себе эту составную часть народного бытия и важную скрепу своей этничности. Советская власть неуклонно наступала на бытие традиционных стариков, методично продолжала вытеснять их из социума; но к этим усилиям власти, как pozывает наш разбор произведения В.П. Распутину «Прощание с Матёрой», присоединились и усилия части русской интеллигенции. Почему это произошло? Ведь дело, здесь, думается не только в Распутине или ком-то другом, но скорее всего и в но-

вых обстоятельствах времени или новых идеологических возможностях власти. Что же касается Распутину, то он лишь выступил глашатаем этой новой, будто бы открывающейся перед народом возможности. Советская власть не раз за время своего существования разыгрывала «русскую карту», когда исторические обстоятельства подталкивали ее к этому. И в правление Л.И. Брежнева, в 1970-е годы — это была одна из подобных попыток привлечь внимание и симпатии русского народа к советской власти. Это особая проблема, которую нет возможности подробно рассматривать в рамках данной статьи, но о русской партии в КПСС в этот период существует круг литературы, где эта проблема обозначена⁷². Для нас важно, что часть русской деревенской интеллигенции ответила положительно на этот призыв, так сказать, поверила ему и тем самым поставила проблему стариков, в удобное для власти русло. Она заявила о трагической истории стариков из прошлого, связанных с настоящим не только хозяйственным укладом, но и всем бытием; но при этом — нанизала эту трагичность не на реальный православно-религиозный стержень, а на выдуманный языческий, будто бы идущий от древнего славянства, якобы донные подлинной народной почвы. Отсюда идет та необычная трактовка проблемы стариков, которой руководствовался В. Распутин. В этом варианте, чисто умозрительном, читателю предлагалось видеть и ценить ту архаику, которая будто бы и делала сельскую, народную Русь по-настоящему сильной; а значимость и уникальность стариков мерить этой меркой. Таким образом, старики становились своего рода придатком к этнографии, понимаемой тоже весьма умозрительно, как собрание архаичных дохристианских тайн, ключ к которым знает только подлинный человек из народа, человек, сохраняющий связь с древней, дохристианской традицией.

Безусловно, что такой взгляд на народную традицию, ослаблял позиции той части русского общества, которая продолжала вопреки «историческому прогрессу» бороться за стариков как за будущее всего русского народа и всей России. Эта часть продолжала считать стариков, по евангельским меркам, важнейшей и активной частью этноса, благодаря которым выстраивается вся социальная иерархия в обществе, формируется правильный коллективный взгляд на будущее; передается ценнейший жизненный и исторический опыт; в дет-

⁷² Байгушев А.И. Русский орден внутри КПСС: помощник М.А. Суслова вспоминает... М., 2005; Митрохин Н.А. Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953—1985 гг. М., 2002; Мясников А.П. Власть и национальный вопрос: Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945—1991). Саратов, 2004.

ские головы внутри семьи закладываются важнейшие нравственные и религиозные императивы. Таким образом, боровшееся со стариками, как носителями традиции, атеистическое государство, получило в 1970-е годы неожиданную помощь от той части русской интеллигенции, которая в очередной раз понадеялась на свою совесть и свою мудрость в деле наролюбия и в очередной раз за народ решила, как ему лучше сохранить свою народность. Завершение советской эпохи, не сумевшей за время своего псевдонародного существования, добиться окончательного искоренения из мира людей тради-

ции, в число которых входили и «старики», не несло этой категории населения радужных перспектив в будущем. Напротив, новая эпоха, идущая на смену уходящей, сразу была настроена не только продолжить, но еще более углубить намеченную в советское время линию. И все последующие годы постсоветского развития показали, что старики оказались на самом переднем рубеже, прямо напротив прицельного огня, разрушающего этничность, этнические начала, этнос и этническую культуру русских. И разрушение это было активным образом продолжено и продолжается.

